

ЛОДОВИКО АРИОСТО

КОМЕДИЯ О СУНДУКЕ

В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
Н. Георгиевской

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эрофѣло.
Карѣдоро.
Эула̀лия.
Корѣска.
Крисóболо.
Крнѣ́не.
Аристѣ́по.
Лукра̀но.
Фѹ́рба.
Нѣ́ббья.
Джа̀нда.
Вольпи́но.
Фѹ́льчо.
Тра̀ппола.
Бру̀ско.
Корба̀ккьо.
Не́гро.
Морьо́не.
Га̀лло.
Ма̀рсо.

Действие происходит в Мстеллино.

ПРОЛОГ

*Я новую комедию представить
собрался вам: она не перепев
комедий древних. Наперед представить*

*могу, латинян с греками задев,
что многие меня одновременно
осудят, до конца не досидев,*

*считая, что любая перемена —
не по силенкам нынешним умам,
что только слово древних совершенно.*

*И прозе итальянской и стихам
до древних, соглашусь, далековато.
и красноречье выше было там.*

*Умы — не то, что проза и стихиата:
Художник, создающий их, могуч
теперь ничуть не меньше, чем когда-то.*

*И впрямь язык вульгарный не певуч,
не развит, но иного поворота
довольно, чтоб найти веселый ключ.*

*Не многим эта по плечу работа;
не думайте, однако, что в число
немногих автору пролезть охота.*

*Вы на слово, когда на то пошло,
не верьте мне. Конца бы смысл имело
дождаться, чтобы молвить: «Барахло!»*

*Я высказался. Время подоспело
Для представленья самого. Так вот,
я в двух словах открою, в чем тут дело.*

*Узнайте. речь о сундуке пойдет,
о городе, чье имя — тоже ново:
зовется Метеллино город тот.*

*Затем... А впрочем, что до остального,
слуге, чье имя Неббья, рассказать
о том доверил я. Герою — слово:*

он призывает зрителей молчать¹.

¹ Здесь и далее перевод стихов с итальянского Е. Солоновича.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эрофило — юноша, Неббья.

Эрофило. Итак, вы отправитесь к Филострато и будете делать все, что он прикажет; да чтоб я не слышал никаких жалоб на вас! Но где же мой наставник, мой учитель, мой мудрый страж? Неужто ждать его до самого вечера? Черт возьми, не идти же на попятный?.. Ступайте все и тащите Неббья с собой, хотя бы за волосы. Слов этот осел не понимает, видно, соскучился по хорошей палке. Послушай, любезный, я ведь заставляю тебя идти.

Неббья. Так я и знал, что без меня не обойдется! Отлично сознаю всю важность этого дела, но мне уже просто неважно...

Эрофило. Ступайте... Надеюсь, что никто из вас не дерзнет вернуться сюда, прежде чем Филострато его отпустит. Поняли?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Джанда, Неббья.

Джанда. Ну и велика же твоя дурь, Неббья, если ты один из всех нас всегда перечишь Эрофило. А ведь ты должен был заметить, что он до сих пор благоволил к тебе. Повинуйся же ему скрепя сердце и не размышляй о том, плохое ли, хорошее ли он тебе приказывает. Помни, что он сын твоего хозяина, и рассуди — по возрасту он

будет дольше тобой командовать, чем старик. Зачем же ты перечишь ему?

Неббья. Будь ты на моем месте, ты поступил бы так же, а может, и того хуже.

Джанда. Возможно, но, впрочем, не думаю. Что-то я не вижу, чтобы ты ему очень помогал.

Неббья. Поверь, у меня есть на то причины.

Джанда. Какие?

Неббья. Будешь слушать, тогда скажу.

Джанда. Выкладывай.

Неббья. Знаешь ли ты того прощелыгу, поставщика живого товара, который месяц тому назад поселился по соседству с нами?

Джанда. Ну, знаю.

Неббья. Значит, ты видел у него в доме двух прелестнейших девиц.

Джанда. Видел.

Неббья. Так вот, в одну из этих девиц влюбился наш Эрофило, и влюбился до того сильно, что, кажется, готов себя продать, только бы выкупить ее. А этот разбойник, зная о страстной любви Эрофило и пронюхав, что Эрофило — сын самого богатого человека в Метеллино, хочет содрать с него в десять раз больше, чем со всякого другого.

Джанда. Сколько же он хочет?

Неббья. Право, не знаю, но слышал, что он запросил немало, так что если даже Эрофило опустошит карманы друзей, то все равно и половины не наберет.

Джанда. Что же он собирается делать?

Неббья. Что делать? Причинить величайший ущерб своему отцу и заодно себе. Сдается мне, что он задумал разбазарить то зерно, что на протяжении двух-трех лет собирал старик, а также шелка, шерсть и иные вещи, которыми забит дом. Советчиком при нем состоит этот заправский мошенник Вольпинно. Они уже давно дожидались оказии, чтобы спровадить старика подальше. И вот сегодня подвернулся случай, и старик уехал в Негропonte. А для того чтобы все было шито-крыто, они хотят и меня выставить из дома. Вот посылают к Филострато, чтобы я ему прислуживал, а он не должен отпускать меня, пока они не приведут в исполнение свой план.

Джанда. А какого черта ты принимаешь это так близко к сердцу? Пусть хоть все из дома вынесут. В конце концов, наследник он, а не ты, осел.

Неббья. Осел не я, а ты, Джанда. Ты рассуждаешь, как безмозглая скотина. Если Крисоболо вернется, что будет со мной? Разве ты не знаешь, что, уезжая сегодня утром, он доверил мне все ключи и приказал под страхом смерти никому их не отдавать, особенно сыну, а также ни под каким видом не отлучаться из дома? Теперь ты видишь, как я исправно выполнил его приказание! Думаю, что старик не успел еще выйти за дверь, как я передал ключи Эрофило, ибо он сказал мне, что ему надо поискать охотничий рог, который он будто бы затерял. Вот так против моей воли парень заполучил ключи. Да ведь ты сам видел.

Джанда. Нет, видеть-то я ничего не видел, но я отлично слышал оттуда, где я был, звуки добротных палочных ударов, которые градом сыпались на тебя, прежде чем ты отдал ключи.

Неббья. Не отдай я ему ключи, он, ей-богу, отправил бы меня на тот свет. Что же, по-твоему, я должен был делать?

Джанда. Ха, что делать? Ты должен был отдать ключи по первому его требованию, равно как и выкатиться с нами из дома по первому его знаку. Разве ты не сумел бы оправдаться перед хозяином и объяснить ему без обиняков, как обстояло дело? Разве он не поймет, что твое положение и возраст не позволяют тебе поступать наперекор его строптивому сыночку, обалдевшему от любви?

Неббья. А вдруг он всю вину свалит на меня? Свидетелей-подпевал отыщется множество, стоит только хозяину мигнуть. Ведь все вы на меня нападаете, разумеется, не за мой поступок, а за то, что я держу сторону старика и не хочу допустить, чтобы его ограбили.

Джанда. У тебя характер дурной, и ты ни с кем не можешь свести дружбы.

Неббья. А ты возьми любой дом и назови хотя бы одного человека, который, занимая мое положение, не вызывал бы к себе ненависти.

Джанда. А все потому, что ты и тебе подобные — отчаянные трусы и подхалимы. Хозяева же, желая приоб-

рести верного пса, выискивают среди челяди самого пропащего. А вот случись какая-нибудь беда — они мигом делают его козлом отпущения. Впрочем, оставим этот разговор. Лучше скажи мне, кто этот юноша, что давеча вошел в наш дом? Эрофило почитает его, как старшего брата.

Неббья. Это сыи здешнего бассама.

Джанда. А как его имя?

Неббья. Карндоро. Он любит вторую красавицу в доме этого сводника. Не думаю, чтобы ему посчастливилось легче, чем Эрофнло, заполучить эту девицу. Разумеется, если только он не попробует подобным же способом ограбить отца. Вот взгляни: та, что стоит у двери дома сводника, и есть девица, которую любит Эрофило, другая, что подальше, — подруга Каридоро. Как они тебе нравятся?

Джанда. О, если они столь же сильно нравятся своим возлюбленным, этот грязный сводник здорово наживется. Но идем скорей; коли повстречаем Эрофило, достанется нам обоим.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эулалия, Кориска.

Эулалия. Послушай, Кориска, не уходи далеко от дома. Если Лукрано тебя увидит, нам несдобровать.

Кориска. Не беспокойся, Эулалия, у нас глаза pozorче, мы первые его заметим. Воспользуемся его отсутствием и хоть чуточку погуляем.

Эулалия. Какое там погуляем! Да мы самые несчастные на всей земле, разве что-нибудь может хоть в тысячной доле вознаградить нас за все наши мучения? Мы рабыни; наше положенне было бы терпимо, будь мы в руках человека доброго и справедливого. Но среди всех сводников мира не сыщется ни одного более жадного, более жестокого и более грубого, чем тот, во власть которого нас бросила злая судьба.

Кориска. Не будем терять надежду, Эулалия. У тебя есть Эрофило, у меня — Каридоро. Они тысячу раз

давали нам всякие обещания и тысячу раз клялись, что освободят нас.

Эулалия. Да, обещаний-то было много, но они их не исполняли. Разве это не явный признак того, что всерьез они не хотят ничего делать? Если бы они тысячу раз нам отказывали, а потом один раз твердо пообещали, я бы тешила себя надеждой, а сейчас она у меня еле теплится. Если они хотят что-то предпринять, почему же они так медлят? Думают отделаться шутками да болтовней. И это нам только вредит. Быть может, нашлись бы другие, которые пожелали бы нас освободить. Меиьше бы болтали да больше делали. К тому же они обозлили Лукраню, который понял, что его водят за нос пустыми обещаниями. Вчера он мне сказал, что больше не желает тратиться на нас, и, если через десять дней нас не выкупят, мы должны будем сами зарабатывать себе на хлеб любым способом. А так как он не может продать нас оптом, то будет продавать в розницу за сущие гроши, а то и просто за спасибо! О горькая наша судьба!

Кориска. Пусть поступает как хочет — чего он добьется? Впрочем, будем надеяться, что наши возлюбленные не позволят нам дойти до такого унижения.

Эулалия. Пойдем лучше в дом. Как бы, на нашу беду, не появился Лукрано.

Кориска. А вот и милые наши дружки идут к нам. Не будем спешить. Посмотрим, чем сегодня они нас порадуют.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эрофило, Карндоро, Эулалия, Кориска.

Эрофило. О, какая счастливая встреча, Карндоро! Ничего лучшего нельзя и пожелать на свете!

Карндоро. Эти ясные сверкающие звезды одним своим появлением могут умерить бурю наших мучительных мыслей.

Эулалия. Лучше бы вы сказали, что несете нам благополучие и спасение, если только вы впрямь любите нас так, как говорите. В нашем присутствии вы щедры на обе-

щания: «О, дай мне руку, Эулалия, дай мне руку, Кориска. Сегодня или завтра мы вас освободим; если же нет, пусть мы...» Послушайте же, что потом. Потом вы поворачиваетесь к нам спинами и смеетесь над нами.

Эрофило. Нет, Эулалия, ты напрасно так говоришь.

Эулалня. Если вы и в самом деле благородные, состоятельные люди, то вы не должны были бы нас позорить и смеяться над нами, ведь обе мы знатного рода, хотя горькая судьба и довела нас до столь ужасного состояния.

Эрофило. О боже, Эулалия, не испытывай слезами и жалобами мою глубочайшую страсть. Я буду самым неблагодарным, самым черствым человеком на свете, если не позже, чем завтра...

Эулалия. Увы! Позволь мне тебе не повернуть!

Эрофило. Дай досказать. Сейчас я не имею возможности все тебе открыть, но будь покойна, самое позднее завтра ты освободишься от этого непристойного сводника. Дело затянулось дольше, чем тебе хотелось бы и чем я предполагал, но, поверь, иначе я поступить не мог. Не думай, что если я прилично одет и являюсь единственным сыном Корисоло, которого считают богатейшим купцом Метеллино, то я могу распоряжаться его средствами по своему усмотрению. Все, что я говорю о себе, относится и к Карндоро. Наши старинки столь же богаты, сколь и скупы. Наше желание сорить деньгами нисколько не меньше их желания всячески нам в этом препятствовать. Но сейчас, когда отец отправился в Негропonte и не будет за мной неусыпно следить, ты увидишь, что любовь, которую я к тебе питаю, скоро приведет к желанному результату.

Эулалия. Бог да благословит тебя. Если ты меня любишь и хочешь меня спасти, исполни свой долг. С тех пор, как я тебя узнала, любезный мой избавитель, я дорожу тобой больше, чем глазами и сердцем своим.

Карндоро. И ты, Кориска, также верь. Не долго осталось ждать, чтобы все обернулось к лучшему.

Эулалия. Теперь довольно, а то нас может застать Лукраио.

Эрофило. Не пройдет и двух дней, как ты будешь в полной безопасности в моих объятиях.

Эулалия. Я буду жить с этой надеждой в сердце.
Кориска. А что же будет со мной?
Каридоро. Мы хлопчем о благе как одной, так и другой. Наберись мужества и жди. Прощай.
Кориска. Прощай.
Эрофило. Прощай, свет моих очей!
Эулалия. Прощай, жизнь моя!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эрофило, Каридоро.

Эрофило Я ли не показываю ей своей любви? Не страдаю, чтобы выволить ее из рабства? Надобно одним ударом завершить нашу затею. Если сегодня же Вольпино не добьется нужного результата, не буду я больше верить бесполезным мечтаниям, которыми он ежедневно вот уже больше месяца кружит мне голову, то обещая раздобыть деньги у отца, чтобы выкупить Эулалию, то подстроить этому албанцу-разбойнику ловушку, из которой, коли он не отдаст девушку, ему никогда не выпутаться. Да умри я на месте, если еще когда-нибудь буду слушать его вздорную болтовню! А не удастся мне достичь цели тайно, добьюсь ее открыто. Никакими замками, никакими ключами не запереть от меня того, что может помочь ее освобождению. Я могу очутиться в худшем положении, чем Тантал, ибо, окруженный водой, буду томиться от жажды. Дом завален холстом, шелками, шерстью, парчой, золотой и серебряной, вниом и зерном, и я могу в мгновение ока обратить все это в необходимые мне деньги. Ужель я буду таким трусом и олухом, что не посмею воспользоваться всем этим добром для благородной цели?

Каридоро. Будь я на твоём месте и мой отец отсутствовал бы, черт возьми, разве я стал бы искать окольных путей? Да за два дня, что его нет тут, в Метеллино, я натворил бы столько, сколько другой не натворил бы за целых сто! Я так хорошо обчистил бы все амбары, начисто освободил бы от всякого добра комнаты и залы, как будто там на постое уже год стояли испанцы. Но вот кто-то идет.

Эрофило. Кто? Да это, никак, Лукрано! Интересно, что его прииесло? Пойдем же и мы домой и будем делать то, что нам приказал Вольпино. Не надо, чтобы он обвинил нас в нерадивости, когда вернется.

Каридоро. Идем.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лукрано, один.

— Когда слышишь, как расхваливают, как превозносят до небес то красоту женщин, то щедрость мужчин, то богатство, то ученость, то да се,—не следует принимать это на веру. Ибо на деле все оказывается совсем иным, чем расписывает молва. Но не следует впадать и в другую ошибку: когда тебе начнут хулить скрягу, обманщика, вора — про себя прибавь к этому еще, ибо в жизни отыщется еще худшее зло, которого ты до времен просто не замечаешь. Почему это бывает именно так, я не сумею объяснить, но мой многолетний опыт многому меня научил, ибо всего этого я вдосталь и рассмотрел. Нынче много шалопаев развелось. Впрочем, поговаривают, что в здешних краях куда чаще, чем в Греции, встречаются богатые, щедрые и весьма расточительные юноши, падкие до женщин. А я так полагаю, что дело обстоит как раз наоборот. Их убожество сказывается во всем, кроме одежды. Тут они расточительны и наподобие черепах щеголяют дома в той же одежде, в какой появляются на людях. Ко мне каждый день приходит то один, то другой и уверяет, что хочет купить моих девиц, а когда дело подходит к расплате, эти щеголи стремятся обойтись расписками, обещаниями и болтовней. В других местах, где я занимался торговлей, деньги осязаешь. Здесь же каким-то чудом они незаметно уплывают. Конечно, если мне понадобятся хлеб, вино или другие вещи, необходимые для жизни, то я сумею их раздобыть. Но все же, если бы я мог все это приобретать за одни лишь слова, я бы охотно продавал и свой товар за слова. Зачем мне монета, которую я не могу пустить в оборот? Будь возможным вернуть прежнее, я бы не торчал тут так долго, ибо за все то время, что я здесь,

я не заработал ни гроша. Мало того, мне еще придется потратить те ничтожные денежки, что я привез из Константинополя, где мое ремесло расценивалось очень недурно. Сомневаюсь, чтобы в этих краях я смог добиться того же. Хорошо, коли мне не придется протянуть тут с голоду ногн. Единственную надежду возлагаю я на моего соседа Эрофило, обожателя Эулалии. Если он и в самом деле так страстно влюблен, как это кажется, то он должен отвалить за нее солидный куш. Похоже, впрочем, что он хитрит со мной. Ему доподлинно известно, сколь большие расходы я несу и сколь малые заработки имею. Пока же ведь только он выражает желание купить у меня одну из моих девиц. Но и этот негодник Эрофило понимает, что у меня нет средств подняться и уехать отсюда и что с каждым днем мои возможности будут уменьшаться. Вот он и дожидается, покуда нужда не заставит меня смириться и уступить Эулалию за столько, сколько он сам назначит. Коли я не буду держать с ним ухо остро, может статься, что он легко осуществит свое намерение. Я уже подумывал, не сделать ли мне вид, будто я уезжаю. А тут, кстати, и случай подвернулся: завтра или послезавтра отплывает судно в Сирию. Я даже договорился с хозяином, чтобы он взял на борт меня, моих домочадцев и все мое добро. Договаривался при свидетелях, которые, надо полагать, уже уведомили об этом Эрофило. Пусть не воображает, что из-за отсутствия денег я вынужден буду остаться здесь и пойти на уступки. А вот очень кстати и мой Фурба. Лучшего помощника в таких делах не придумаешь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лукрано, Фурба.

Лукрано. Наконец-то, когда мешкать уже больше не вмоготу, ты явился! Чтобы выполнить чепуховое поручение, тебе надо проваландаться целый день, олух ты несчастный! Беги в порт, дьявол тебя возьми, говорю тебе, беги скорей и немедленно возвращайся. Да погоди, ты даже не выслушал, что мне надобно. Отыщи того капита-

на, с которым мы утром беседовали, и узнай, точно ли он снимается с якоря сегодня ночью, а если задерживается, то на сколько. Если он скажет, что отплывает нынче ночью, немедленно лупи назад да прихвати с собой две повозки, двух-трех носильщиков, чтобы еще до вечера мы успели освободить дом и погрузить вещи, дабы ничто не задержало наш отъезд. Пожалуй, обратное путешествие будет нам полезнее, чем прибытие сюда, где чужестранцев ненавидят больше, чем правду при княжеских дворах. Ну, чего уставился? Да смотри, не попадайся на глаза страже, не то тебе всыпят по первое число!

Фурба. Будьте спокойны, сумею отбрехаться!

Лукрано. Я говорю все это нарочно, чтобы Эрофило услышал, если только он сейчас дома.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эрофило, Каридоро, Вольпино, Фульчо.

Эрофило. Не понимаю, что могло так задержать Вольпино?

Каридоро. Если даже Фульчо его не нашел, то по крайней мере сам-то он должен был вернуться.

Эрофило. Кажется, все злые силы ополчились на нас!

Каридоро. А вот и наши красавцы, черт их подери!

Вольпино. Ах, Фульчо, Фульчо. разве не стоит измыслить какую-нибудь ивовую хитрость, чтобы только спасти влюбленных и разорить сквалыгу сводника?

Фульчо. Послушай, Вольпино, по-моему, твоя выдумка смахивает на плодородное, но плохо обработанное поле, на котором растут сорняки вперемежку с полезными злаками.

Вольпино. Если мы и потерпим неудачу, то у нас по крайней мере останется утешение: нас не очень-то строго иакажут. Самое страшное — отлупят палками.

Фульчо. Не волнуйся, более крепких плеч, чем мои, — не сыскать. Самая мощная рука устанет.

Вольпино. Ладно. будет иужда — воспользуюсь твоими.

Каридоро. Мне кажется, они идут сюда и хохочут.

Эрофило. С чего бы это они? Не нначе как нашли хорошее вино, потому и задержались. А теперь возвращаются навеселе.

Вольпино. Прибавим шагу. Разве не видишь, что нас поджидают наши хозяева?

Каридоро. Пойдем им навстречу. Их радостный вид вселяет в меня надежду.

Эрофило. Поди, они еще ничего не знают об отъезде Лукрано, а то бы не были такими веселыми.

Вольпино. Да хранит вас господь на долгие времена!

Эрофило. И да ниспошлет он нам больше радости, чем сейчас!

Вольпино. Пусть надежды останутся живым, а мертвым — отчаяние!

Эрофило. Знаешь, Вольпино, что завтра, а может даже нынче ночью Лукрано уезжает?

Вольпино. Скатертью дорога. Но я ему не верю. Это все хитрости, чтобы вас напугать.

Эрофило. Помолчи. Если б ты только знал, что он давеча говорил своему Фурбе, полагая, что мы его не слышим! Тогда бы тебе не показалось все это вымыслом. Спроси Каридоро.

Каридоро. Да, это правда.

Эрофило. О горе мне! Как смогу я жить, если он увезет мое сокровище? Где бы ни была Эулалия, мое сердце всегда последует за ней.

Вольпино. Коли сердце твое отбудет сегодня ночью, сообщи мне заблаговременно, чтобы я успел взять для него билет, прежде чем закроется контора.

Фульчо. А не прикрыть ли его какой-нибудь одежкой?

Вольпино. При чем тут одежка?

Фульчо. Чтобы хищные птицы, парящие над морем, не склевали его.

Эрофило. Видишь, Каридоро, как издеваются над нами эти разбойники? О, как жалок тот, кто является рабом любви!

Вольпино. Ну, знаете ли, куда несчастнее тот, кто является рабом раба любви. Вот уж никогда не думал, Эрофило, что у тебя так мало мужества. Ведь возле тебя Вольпино, а ты раскис от сущего пустяка.

Эрофило. И это ты называешь пустяком? Ничего важнее на свете для меня не существует.

Вольпино. А ну, взгляни-ка мне в глаза. Так ты говоришь. сводник уезжает? Если только ваша трусость

не помешает, то не пробьет и часа ночи (хотя у нас еще почти целый день впереди), как вы оба будете держать в объятиях своих возлюбленных, а этот наглец Лукрано будет обстрижен, как овечка.

Эрофило. О боже, какой ты драгоценный человек!

Каридоро. О чудеснейший Вольпино!

Вольпино. Но, скажи, приготовил ли ты, как обещал, ножницы для стрижки?

Эрофило. Не понимаю, какие ножницы ты имеешь в виду?

Вольпино. Разве я не говорил тебе, чтоб ты постарался выудить у Неббья ключи от комнаты твоего отца?

Эрофило. Я и постарался.

Вольпино. И чтобы ты взял тот сундучок, который я тебе показал?

Эрофило. Твое приказание исполнено.

Вольпино. И чтобы ты спровадил всех слуг?

Эрофило. Я так и сделал.

Вольпино. И прежде всего Неббья.

Эрофило. Я ничего не упустил из того, что ты мне сказал.

Вольпино. Отлично. Вот это и есть те ножницы, о которых я тебе сказывал. Теперь послушай, что я собираюсь сделать. Я нашел одного своего близкого друга, он находится в услужении у некоего султанского мамелюка и приехал в Метеллино по делам своего хозяина. Здесь он никогда не был, и думаю, что его никто у нас не знает. Я имел с ним дела в Каире год назад, где я больше двух месяцев находился с твоим отцом. Завтра на заре он уезжает.

Эрофило. А что толку нам от этой твоей дружбы?

Вольпино. Слушай внимательно и не перебивай, сейчас все расскажу. Я хочу обрядить его купцом, одежду возьму у твоего отца. Помимо того, что у него почтенная наружность, я его так приодену, что не будет человека, который не примет его за богатого купца.

Эрофило. Ну а дальше что?

Вольпино. В такой одежде он отправится к своднику, вслед за ним потащат сундук, который ты похитишь у отца, и сундук этот будет оставлен в залог.

Эрофило. В залог?

Вольпино. Да за это ему отдадут девушку.

Эрофило. Кому же, по-твоему, я должен оставить в залог сундучок?

Вольпино. Своднику.

Эрофило. Лукрано?

Вольпино. Да, до той поры, покуда не будут внесены все деньги за Эулалию.

Эрофило. Черт возьми, чтобы я оставил у сводника Эулалию?

Вольпино. Не кипятись, я говорю о сундуке. Сводник отдаст Эулалию, и мы приведем ее к тебе.

Эрофило. Так-то оно так, но не по душе мне все это.

Вольпино. Зато потом будет хорошо. А сейчас надо идти...

Эрофило. Поговорим о другом. Ужель оставить столь ценную вещь в руках беглого каторжника?

Вольпино. Предоставь все мне. Теперь слушай...

Эрофило. Нечего мне слушать. Риск слишком велик.

Вольпино. Да нет же. Коли будешь слушаться, можно будет легко...

Эрофило. Что легко?

Вольпино. Помолчи, все тебе скажу. Необходимо кому-нибудь...

Эрофило. Что за вздор ты несешь?

Вольпино. Беда твоя, коли не хочешь выслушать. Ладно, пусть я дурак.

Каридоро. Дай же ему сказать.

Эрофило. Говори.

Вольпино. Пусть я сдохну, если еще...

Каридоро. Остайся, Вольпино, мы слушаем тебя, говори же.

Эрофило. Так что же ты собираешься делать?

Вольпино. Что я собираюсь делать? Каждый день ты меня терзаешь, умоляешь, уламываешь, чтобы я изыскал способ вызволить твою милую. Я нашел тысячу, но тебе все не по нутру. Один способ тебе кажется трудным, другой — опасным, то слишком быстрым, то слишком долгим. Кто тебя поймет? Тебе и хочется и колется. Ох, Эрофило, Эрофило, поверь мне, нельзя добиться чего-нибудь важного без труда и опасности. Ужель ты думаешь, что

просьбами и жалобами можно смягчить этого разбойника и он отдаст тебе Эулалию?

Эрофило. А по-моему, чрезвычайно глупо подвергать драгоценную вещь столь явной опасности. Разве ты не знаешь, что этот сундучок изукрашен филигранным золотом и его едва ли можно купить меньше, чем за две тысячи дукатов? Да к тому же принадлежит он Аристандру, а отец взял его просто на хранение. Сдается мне, что ножницы, о которых ты говорил, скорее обстригут нас, чем ту паршивую овцу.

Вольпино. Уже ли ты считаешь меня таким болваном, готовым потерять столь драгоценную вещь, и думаешь, что я заранее не обдумал, как выволить ее обратно? Предоставь, Эрофило, действовать мне. Коли план мой провалится, в чем я сомневаюсь, мне грозит большая опасность, нежели тебе. Ты услышишь только крики, мне же угрожают палочные удары, кандалы, тюрьма и галеры.

Эрофило. Как же заполучить сундучок обратно, если мы не принесем денег? А их у нас раз, два — и обчелся! А вдруг в это время вернется отец или Лукрано тайком сбежит, в каком положении мы очутимся?

Вольпино. Если только у тебя хватит терпения выслушать меня, ты поймешь, насколько план мой хорош и безопасен. Мы без промедления и без всякого ущерба получим сундучок обратно.

Эрофило. Слушаю тебя. Говори же.

Вольпино. Едва сундучок очутится в руках Лукрано и наш купец приведет к тебе Эулалию, мы отправимся к бассаму, отцу Каридоро, и ты пожалуешься, что у тебя украли сундучок, и ты, мол, подозреваешь Лукрано, соседа.

Эрофило. Понимаю. Пожалуй, это будет вполне правдоподобно.

Вольпино. Ты попросишь у бассама содействия в обыске дома. Каридоро же замолвит за тебя словечко отцу и попросит, чтобы он послал с тобой для этой цели самого начальника стражи.

Каридоро. Ну, это раз плюнуть. Да если потребуется, я сам явлюсь собственной персоной.

Вольпино. Будем действовать с такой быстротой, что наверняка найдем сундучок в доме, ибо у Лукрано не хватит времени перепрятать его в другое место. Он, ра-

зумеется, скажет, что некий купец оставил ему сундук в залог за женщину. Но кто же поверит, что за безделицу, которая едва ли стоит пятьдесят дукатов, он оставляет вещь ценой более тысячи? Лукрано обвинят в краже, отведут в тюрьму и, может, даже повесят или, еще лучше, четвертуют. Чего тут раздумывать?

Эрофило. Отлично, черт возьми. План превосходный.

Вольпино. Ты, Каридоро, как только сводника схватят, тоже сможешь заполучить желаемое. Покамест твои слуги ведут Лукрано в тюрьму, ты будешь наслаждаться с твоей Кориской. Сводник охотно отдаст ее тебе за те два-три слова, которые ты замолвишь за него перед своим отцом.

Каридоро. О, Вольпино, ты заслуживаешь короны.

Фульчо. Или лучше колпак и дощечку на грудь.

Вольпино. Ну, знаешь, Фульчо, до таких почестей мне не дорасти.

Эрофило. А где же человек, которого ты хочешь обрядить в одежду купца?

Вольпино. Удивляюсь, что его еще нет. Вероятно, скоро придет.

Эрофило. Ты хочешь, чтобы он сам нес сундук?

Вольпино. Нет, у него слуга, который этим займется. Но ступай домой и выбери там отцовское платье получше. Поторопись. Не теряй времени зря.

Каридоро. А мне что делать?

Эрофило. Ты отправляйся домой и жди наших сообщений. До свиданья.

Каридоро. До скорого свиданья.

Фульчо. Коли я вам не нужен, пойду-ка я со своим хозяином.

Эрофило. Иди.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вольпино, Траппола, Бруско.

Вольпино. Эх, как это я забыл, что Траппола почти всегда врет. Какой я дурак, что позволил ему остаться там, а не притащил сюда. Коли он меня надул — что впол-

не может стать, — весь мой план полетел к черту. Впрочем, вот и он сам. Возблагодарим счастливый случай.

Траппола. Удивительно, Бруско, неужели ты не можешь оказать услугу, о которой тебя просили!

Бруско. А еще удивительнее, Трапполото, что дела твоего хозяина и твои собственные, видно, так мало отнимают времени, что ты еще норовишь вмешиваться в чужие, которые тебя никак не касаются.

Траппола. Ну, Вольпино я не считаю чужим. А к тому же почему бы мне не поискать и новых друзей, особенно среди людей молодых?

Бруско. Хочешь заводить новых друзей, так и заводи себе на здоровье, но не втягивай в это дело меня и других, которые вовсе не имеют такого желания.

Траппола. Что же нам еще делать сегодня?

Бруско. Позаботиться о хлебе, вине и всяких других вещах, которые могут понадобиться на корабле. Если мы уезжаем на рассвете, то надо торопиться...

Вольпино. Как государи не торопятся со своими обещаниями, так и нам спешить некуда. А я-то думал, Траппола, что ты меня надул.

Траппола. И зря не надул.

Вольпино. А ты не можешь побыстрее? Идешь, как барин, вразвалку.

Траппола. Раз уж из слуги я превращаюсь в важного господина, то вот и стараюсь ходить вразвалку.

Вольпино. Еще бы! Научишься еле ноги передвигать, если, подобно тебе, проходить большую часть жизни в колодках.

Траппола. Ну, знаешь, нет такого тяжеловоза, который не пустился бы вскачь, если бы с него сняли поклажу.

Вольпино. Так поспешим же, пока не поздно.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Траппола, Вольпино, Эрофило.

Вольпино. Прежде чем ты отсюда уйдешь, заруби себе на носу, что должен привести девицу именно туда, куда я тебе велел. Третий дом по правой руке, пройдя портняжничью, что выходит на эту улицу.

Траппола. Понимаю.

Эрофило. А не лучше ли будет на всякий случай привести ее сюда, а потом мы уже переправим ее, как условлялись?

Вольпино. Ни в коем случае. Ее может увидеть кто-нибудь из соседей, и тогда откроются наши козни.

Эрофило. Пожалуй, ты прав.

Вольпино. Там увидишь небольшую новую дверь.

Траппола. Знаю.

Вольпино. Хозяйку дома зовут Леной.

Траппола. Помню.

Вольпино. Напротив — деревянный навес.

Траппола. Да ты не бойся, я отыщу дом так же быстро, словно это не дом, а таверна.

Вольпино. Мы будем вас поджидать и приготовим ужин.

Траппола. Только постарайся, чтобы выпивки хватило, а то от этой длинной одежды у меня страсть какая жажда.

Вольпино. Сможешь нализаться до потери сознания. Только держи ухо востро, чтобы этот сводник, в котором сам дьявол сидит, ничего бы не заметил.

Траппола. Ха-ха-ха! Будешь учить меня хитрости! Да я освоился с ней раньше, чем с соской.
Вольпино. Ну, действуй! И да счастливо кончится наша затея!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бруско, Траппола.

Бруско. Собирайся быстрее. Что-то нас ожидает сегодня вечером?

Траппола. Ужин и веселье напропалую.

Бруско. У меня что-то шея побаливает, будто этот сундук у меня уже на спине... Я тебя немного обожду.

Траппола. Нет, уж лучше ступай себе на здоровье... Тссс! Я слышу, как открывается дверь. Коли не ошибаюсь, это сам Лукрано.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лукрано, Траппола.

Лукрано. Лучше уйти из дома, чем слушать болтовню этих сорок, которая оглушает и убивает меня. Просто голова разламывается. Помните, сударыни, пока я ваш хозяин, вы будете мне повиноваться.

Траппола. У преступников вина их на груди написана, а у этого проходимца — на лице.

Лукрано. Сколько высокомерия, сколько наглости у этих противных потаскух! Всегда-то они стараются, всегда ищут повода тебя послушаться. Ведь не успокоятся, пока не обдерут тебя как липку, не подставят ножку и вконец не погубят тебя!

Траппола. Никогда не слыхал, чтобы торговец так хорошо расхваливал товар, который собирается продать!

Лукрано. Сдается мне, что, коли человек был бы виноват во всех смертных грехах, и для заработка занимался, как я, торговлей женщинами, и мог переносить все

их выходки без крика и шума, не проклиная тысячу раз небо и землю, он заслужил бы прощения скорее, чем всякими бдениями, постами, власяницами и всевозможными эпитимиями, какие только существуют на свете.

Траппола. По-моему, если для тебя пребывание их в доме — чистилище, то для этих несчастных твой дом — крошечный ад. Однако пора действовать.

Лукрано. Вероятно, человек, который направляется сюда, только что сошел с корабля. За ним плетется навьюченный вешамн носильщик.

Траппола. Надо спешить. Вот тот большой дом, напротив которого, как мне было сказано, живет сводник.

Лукрано. Не ищет ли он постоянный двор?

Траппола. Вот вовремя подвернулся мне этот человек; может быть, он сумеет мне объяснить... Я что-то не очень припоминаю эти места. Скажи мне, добрый человек...

Лукрано. Видно, что ты не очень бывалый, ибо никогда ни меня, ни моего отца, никого из кровных моих родственников так не называли.

Траппола. Прости, если я сразу тебя не распознал. Постараюсь исправить свою ошибку. Скажи мне, подлый, презренный человек... Черт возьми, да, может, ты и есть тот самый, кого я ищу, или его брат, сват, или вообще близкий родственничек?

Лукрано. Все может быть, а кого же ты, собственно, ищешь?

Траппола. Мошеника, клятвопреступника, убийцу...

Лукрано. Спокойнее, ты как раз близок к цели. Как его имя?

Траппола. Имя... имя... Да вот только что вертелось на языке. Не знаю, куда оно девалось.

Лукрано. Либо ты проглотил его, либо выплюнул.

Траппола. Вероятно, выплюнул, проглотить не мог: это кушанье издает такое зловоние, что я бы немедленно опорожнился.

Лукрано. Ну, тогда подними его с земли.

Траппола. Я могу так подробно описать тебе этого человека, что и имени не потребуется. Он лгун и хулигатель...

Лукрано. Это в мой огород.

Траппола. Жулик, фальшивомонетчик, карманишник...

Лукрано. Разве уж так плохо — ловко владеть руками?

Траппола. Он сводник...

Лукрано. Вот это как раз мое ремесло.

Траппола. Сплетник, сквернослов, скандалист и интриган...

Лукрано. Будь мы при римском дворе, пожалуй, можно было бы сомневаться, кого ты ищешь. Но в Метелино речь может идти только обо мне. Сейчас я напомню тебе мое имя. Меня зовут Лукрано.

Траппола. Лукранио, да-да, Лукрано, порази его гром!

Лукранио. И тебя тоже. Я имению тот, кого ты ищешь. Что тебе от меня надобно?

Траппола. Ты в самом деле Лукрано?

Лукрано. Он самый. Что ты хочешь?

Траппола. Сначала я хочу, чтобы носильщик освободился от своей ноши, а потом я тебе растолкую, зачем я тебя искал.

Лукрано. Пусть войдет в дом и положит вещи куда тебе заблагорассудится. Помогите ему.

Траппола. Был я недавно в Александрии у адмирала, моего большого друга, которому я бесконечно обязан, речь зашла об одной женщине. Зная, что я направляюсь в этот город, он просил выкупить у тебя одну из девиц по имени Эулалия, красоту которой многие ему расхваливали, видя ее у тебя в доме... Совершив сделку, я должен немедленно отправить ее прямо к нему со слугой, которого он для этой цели мне дал. А так как ильиче ночью отплывает туда судно, я исполнил желания хорошо и быстро послужить своему благодетелю. Потому-то я и пришел к тебе договориться, чтобы ты продал девицу, а я мог бы немедленно отправить ее по морю к адмиралу. Теперь главное — сколько ты за нее хочешь?

Лукранио. Хотя я уже и заключил договор с одним местным богачом — завтра он должен принести мне деньги и увести Эулалию, — но, если...

Траппола. Но, если я дам больше, ты хочешь сказать...

Лукрано. Ты, я вижу, сметлив. Впрочем, мое ремесло в том и состоит, чтобы околпачивать людей и отдавать предпочтение тем, кто больше даст.

Траппола. Однако зайдем в дом, думаю, что мы с тобой поладим.

Лукрано. Ты рассуждаешь разумно. Войдем.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Корбаккьо, Негро, Джанда,
Неббья, Морьоне.

Корбаккьо. Поистине отличный и щедрый юноша этот Эрофило!

Негро. Вот у таких людей, которые работой не утруждают, а выпивать дают вволю, стоит находиться в услужении.

Корбаккьо. А какой ужин нам приготовили!

Морьоне. Лучше поговорим о вине, оно, честно скажу, особенно мне пришлось по душе.

Корбаккьо. Сдается мне, что в здешних местах это еще не лучшее.

Морьоне. А ты-то сам пробовал когда-нибудь более душистое и мягкое?

Джанда. А как разбирает! За такое и денег не жалко!

Корбаккьо. Нынче ночью у моего изголовья полная кружка стояла.

Джанда. А к моим услугам была целая бочка!

Морьоне. Эх, если бы каждый день у нашего хозяина являлась охота посылать нас к Филострато!

Джанда. Да, недурно бы каждый вечер так проводить!

Корбаккьо. Не знаю, как вы себя чувствуете, но я готов просто скакать от радости.

Джанда. Сдается мне, что все мы под стать друг другу.

Неббья. Каково же будет нам, когда вернется старик. В питье и жратве мы все были товарищами, а вот когда хозяин появится — за вино отдуваться мне одному придется.

Д ж а н д а. Не валяй дурака и не хнычь, пока еще беды никакой нет. Нечего вперед забегать. Откуда ты можешь знать, что случится?

Неббья. Я не оракул и не звездочет. Но вот увидишь: едва мы очутимся дома, как все произойдет именно так, как я предсказывал.

Д ж а н д а. Я тебе уже говорил и снова повторяю: постарайся свести дружбу с Эрофило — и все пойдет как по маслу. Коли ты — чтобы не ослушаться старика — будешь держать себя вызывающе с Эрофило, тебе не избежать кулаков и палочных ударов, которые будут сыпаться на твои плечи. В один прекрасный день тебя либо искалечат, либо убьют — и вся недолга. Но коли порой ты захочешь угодить юноше и не всегда будешь послушен старику — не бойся. Он ведь более мудр и покладист и его легче умиловить. Он отлично поймет, как тебе трудно перечить такому упрямцу, как Эрофило. Верь мне, это тебе друг говорит.

Неббья. Разумеется, я понимаю, что советы твои правильны, во всяком случае, я склонен послушаться. Глядите-ка.

Д ж а н д а. Что там еще?

Неббья. Кто это выходит из дома сводника и ведет одну из его девиц? Наверняка он ее купил.

Д ж а н д а. Мне кажется, что это подруга нашего хозяина.

Неббья. Точно говорю, она самая.

Корбаккьо. Да, это действительно она.

Д ж а н д а. Эй, сюда, все ко мне! Давайте последим, куда он ее поведет. А потом сообщим Эрофило. Тише!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Траппола, Джанда, Корбаккьо,
Морьоне, Неббья, Негро.

Траппола. Бруско испарился! О, какой подлый осел оставил меня одного ночью с этой поклажей!

Д ж а н д а. Сдается мне, что человек этот ведет Эулалию.

Корбаккьо. О несчастный Эрофило!

Джанда. О, как будет он огорчен, как опечалится, когда об этом узнает!

Траппола. Не плачь, красавица!

Джанда. А не выкинуть ли нам фортель?

Неббья. Какой?

Джанда. Отнять ее у этого олуха и отвести к Эрофило.

Траппола. Бедняжка, ты здорово огорчена, что приходится покидать Метеллино?

Джанда. Пусть немного пройдет вперед, тут мы его и сцапаем.

Морьоне. Каким же способом?

Джанда. Каким? Очень простым. С помощью кулаков и пижиков. Нас пятеро, а он один.

Траппола. Не плачь же из-за того...

Негро. Чума того возьми, кто струсит!

Траппола. Будь уверена, я тебя далеко не уведу.

Неббья. Если он начнет кричать, вся округа сбежится.

Джанда. Ну и что же? Черт возьми, все равно вовремя никто не подоспеет.

Корбаккьо. Кому охота выбегать ночью на дорогу, заслышав крики?

Траппола. Боже правый, не марай слезами такие чистенькие щечки!

Джанда. Теперь, Неббья, пришло время оказать величайшую услугу Эрофило и навечно сделаться его другом.

Неббья. Идет. Но домой мы ее не поведем, нас могут узнать, и тогда быть беде.

Джанда. А куда же?

Неббья. Почему я знаю?

Негро. Чего об этом думать! Отведем ее к Кироро деи Нобили, он большой друг Эрофило, и более верного товарища, кажется, и на свете не сыщешь.

Джанда. Здорово придумано!

Траппола. Мне что-то боязно в такой час идти одному. Вот не думал, что этот болван меня бросит.

Морьоне. Постарайтесь задержать этого негодяя добрыми пинками да оплеухами, а мы с Корбаккьо в это время утащим девушку.

Джанда. Итак, вперед и хватит болтать!

Траппола. Горе мне! Что это за люди идут за мной?

Джанда. Стой, купчина!

Траппола. Что вам надо?

Джанда. Чего ты тащишь?

Траппола. Странный вопрос. Нешто я должен платить пошлину?

Джанда. А ты заявил в таможию? Где твоя квитанция?

Траппола. Какая там квитанция? Это не тот товар, за который платят пошлину.

Джанда. За всякий товар надо платить пошлину.

Траппола. Платят за тот, что дает прибыль, а здесь чистый убыток.

Джанда. Вот ты правильно сказал, что убыток. Сейчас ты лишишься своего товара. Мы тебя сгребли с личным — бросай девушку.

Корбаккьо. Эулалия, идем к твоему Эрофило.

Джанда. Оставь ее, если не хочешь, чтобы я...

Траппола. Так грабят здесь чужестранцев?

Джанда. Заткнись-ка лучше! Не то враз оба глаза выплывут.

Траппола. Разбойники, думаете таким способом... На помощь! На помощь!

Джанда. Стукни его разок по башке да вырви ему язык!

Траппола. Таким-то путем, предатели, вы отняли у меня женщину?

Джанда. Черт с ним, пусть себе каркает.

Траппола. О я несчастный, что же мне делать? Пусть хоть сама смерть мне грозит, а я все равно должен узнать, куда они потащат ее!

Джанда. Если ты только сдвинешься с места, я разобью твою башку на мельчайшие кусочки, как стекло. А колн считаешь себя правым, приходи завтра в таможию, там разберемся.

Траппола. О позор, позор! У меня отняли женщину, втоптали меня в грязь, изорвали в клочья одежду и разукрасили морду.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Эрофило, Вольпино, Траппола

Эрофило. Что-то он запаздывает с Эулалией.

Вольпино. Не смей двигаться отсюда, ты разрушишь все наши планы.

Траппола. Как я буду смотреть в глаза Эрофило?

Эрофило. Как будто я вижу его вои там.

Траппола. Как я смогу оправдаться перед ним, если он не верит...

Вольпино. Черт возьми, да это он!

Траппола. Подумает, что я по своей воле уступил Эулалню, а не то что у меня силой ее отняли!

Эрофило. Однако он один. Эулални с ним нет.

Вольпино. И сундука, что гораздо важнее.

Траппола. О ужас, куда мне деваться?

Эрофило. Это ты, Траппола? А где же Эулалия?

Вольпино. Говори, куда ты девал сундук?

Траппола. Эулалня была со мной.

Эрофило. Эулалня?

Траппола. Я вел ее сюда.

Эрофило. Горе мне!

Траппола. И вдруг двадцать человек напали на меня и отняли ее.

Эрофило. Отняли?

Траппола. Вдобавок здорово поколотили и оставили валяться на земле, будто мертвую скотину.

Эрофило. Отняли мою Эулалню?

Траппола. А чью же? Разумеется, твою. Вероятно, разбойники еще близко.

Эрофило. По какой дороге они пошли?

Вольпино. Где сундук?

Эрофило. Пусть сначала ответит мне, это важнее.

Вольпино. Э, нет, сундук куда важнее.

Траппола. Те, кто меня поколотил, пошел вон туда.

Вольпино. Говори, где сундук?

Эрофило. Почему я медлю и не бегу за ними?

Траппола. Сундук у сводника в доме.

Вольпино. Куда ты бежишь, Эрофило? Что ты намерен делать?

Эрофило. Или умереть, или отбить мою возлюбленную.

Вольпино. Постой, помни, что сундук в опасности. Обожди здесь, а потом...

Эрофило. Кого еще я могу ожидать, кроме сердечного моего друга, ангела моей души?

Вольпино. Умоляю тебя, ни с места. Разве ты знаешь, с кем тебе придется иметь дело?

Эрофило. Если бсишься — оставайся. Мне все равно, почем, раз погибла моя Эулалля. В ней — вся моя жизнь.

Вольпино. Я-то, во всяком случае, пойду за ним, чтобы не пропал сундук. Жди меня в доме хозяина. Не хватало только, чтобы ко всем несчастьям ты потерял еще и одежду. Поскорей стучи, чтобы вышел Лукрано; скорей, чтобы он не видел меня с тобой. Не уходи отсюда, пока я не вернусь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лукрано, Фурба.

Лукрано. Нет на свете более удачливой птицелова, чем я. Сегодня, когда я расставлял силки для двух чудесных птичек, которые рапеваали вокруг меня, случайно попалась жирная куропатка. Так я называю некоего незадачливого купца, который торгует скорее с убытком, чем с прибылью. Он пришел ко мне, чтобы купить у меня одну из моих девиц, и мы с ним в два счета поладили. Я запросил сто сараффи, и сто сараффи он обязался мне дать, а так как у него не было под рукой денег, он оставил мне в залог сундук, полный золотой парчи, ценою в пятнадцать раз дороже. Сперва он мне открыл сундук, потом закрыл и запечатал его, взял с собой ключ и просил хранить сундук, пока он не принесет денег. Такое редко случается, и я буду круглым дураком, коли не воспользуюсь этим. Другой такой случай уж наверняка не представится. Если я увезу с собой этот сундук, то распрощаюсь навсегда с бедностью. Так я и поступаю. Сегодня я сделал вид, что уезжаю из этого города, так это и свершится на самом деле, ибо я на заре подниму паруса. Пожалуй, этот купец

не может быть на меня в претензии за то, что я его обманул, ибо, прежде чем пригласить его в дом, я дал ему понять, что я мошенник, плут, вор и вообще скопище всех пороков. Если он не захотел мне поверить, пусть сам на себя и пеняет. А вот и Фурба, как раз вовремя. Когда отчаливает корабль — сегодня ночью или запаздывает?

Ф у р б а. Судно у причала. Птички наши готовы к полету и чистят перышки. Вино в корзине, букет в руках — и поминай, как звали...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Вольпино, один.

— Сколько бед, сколько несчастий сыплется со всех сторон на тебя, жалкий Вольпино! Если ты сумеешь себя защитить, то заслужишь славу лучшего фехтовальщика, какой только ныне существует на свете. О судьба-злодейка, ты нарочно чинишь нам препятствия на пути к нашей цели! Кто бы мог подумать, что Эулалия, похищенная из дома сводника, так быстро и так глупо будет для нас потеряна? Если это и не послужит помехой для любви Эрофило, то уж сундучка нам не выдать как своих ушей! А ведь было условлено, что, как только Эулалия очутится в наших руках, Эрофило отправится с жалобой к здешнему бассаму и начнет действовать. Теперь же я остался с носом, ибо он, занятый розысками похищенной девицы, только и знает, что рыскает по всему городу. Ни мои увещевания, ни мольбы, ни боязнь навсегда потерять сундук, который столь дорого стоит, не могут его убедить. Ведь помимо того, что Эрофило приносит горе себе и разоряет отца, он сеет в доме постоянные смуты, а мне готовит мучения и вечную каторгу, а может быть, и смерть. От этого несчастья, хотя оно и весьма велико, я все же мог бы избавиться, будь у меня капля времени, чтобы поразмыслить или хотя бы вздохнуть! С одной стороны, меня мучает страх, как бы сводник сегодня ночью не сбежал с сундуком, а с другой — боязнь, что ненароком нагрянет старый хозяин. Все это меня так терзает, что даже нет времени купить веревку и повеситься. Я сам не знаю, куда мне бе-

жать, чтобы преклонить свою злополучную голову! Слуга Калибасса только что меня отыскал и сообщил, что мой старик и не думал выезжать из порта, ибо, когда судно должно было отчалить, пришло письмо из Негропонте, в котором его извещали, что дело улажено и он может оставаться на месте. Слуга даже весьма удивился, что старика еще нет дома и что я его не видел. Я хоть и не вполне ему верю, но все же лучше удеру и утоплюсь в море. Однако что там за свет? Ах, только бы не старик! Что мне делать, несчастному? Куда спрятаться? Куда скрыться от тех мучений, которые меня ожидают?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Крисоболо, Вольпино, Галло.

Крисоболо. Я и не заметил, как пролетело время в доме Плутеро и наступила ночь. Впрочем, я времени зря не терял и привел в порядок некоторые наши расчеты, да и дельце обтяпал, которое давно обмозговывал.

Вольпино. О жалкий трус Вольпино! Где твоя обычная смелость, где твоя смекалка? Ты сидишь у кормила лодки и первый даешь снести себя столь незначительной буре! Откинь страх и покажи, каким ты можешь быть, когда угрожает опасность, воскреси свою былую хитрость и пусти ее в ход, сейчас она тебе нужна более чем когда-либо.

Крисоболо. Да, в самом деле, сейчас много позднее, чем я полагал.

Вольпино. Но не настолько поздно, чем мне бы хотелось. Да иди, иди же к себе домой, я пригровил тебе такую славную нгрушечку, что никогда никому и во сне не снилась!

Крисоболо. Ну и счастливая моя звезда, что мне не надо уезжать из Метеллино!

Вольпино. Зато сколь печальна наша звезда!

Крисоболо. Оставлять все свое имущество и дела на расточительного сына да на продувных слуг было бы куда как опрометчиво.

Вольпино. Ты близок к истине!

Крисоболо. Правда, я все равно бы вернулся так скоро, что у них не хватило бы времени не только причинить мне какой-либо вред, но даже подумать об этом.

Вольпино. Вот посмотришь сейчас! Да если б ты бежал, как гепард, то и тогда не успел бы к сроку. Но пора начинать комедию. Несчастные, что нам делать? Мы разорены, мы погибли!

Крисоболо. Уж не Вольпино ли это так убивается?

Галло. Как будто он.

Вольпино. О проклятый город, логово разбойников!

Крисоболо. Верно, случилась какая беда, о которой я еще не ведаю.

Вольпино. О Крисоболо, что будет с тобой, когда ты все узнаешь!

Крисоболо. О Вольпино!

Вольпино. Тот, кто больше доверяет пьяному слуге, чем собственному сыну, другого и не заслужил!

Крисоболо. Я дрожу, пот меня прошибает от страха. Не иначе как произошло какое-нибудь страшное несчастье.

Вольпино. Ты поручил охрану своей комнаты, полной всякого добра, дураку, который всегда держит ее открытой и никогда не сидит дома.

Крисоболо. Отзовешься ли ты наконец, о Вольпино?

Вольпино. Коли нынче ночью он не найдется, все погибло.

Крисоболо. Вольпино, ты разве не слышишь меня? Отвечай! Кому я говорю?

Вольпино. Кто меня зовет? Ах, это хозяин, честное слово, хозяин!

Крисоболо. Подойди-ка поближе.

Вольпино. О хозяин, благодарение богу, что он...

Крисоболо. Случилась беда?

Вольпино. ...надоумил тебя вернуться!

Крисоболо. Что с тобой? Объясни!

Вольпино. Я в такой горе, не знаю, к чьим стопам и припасть!

Крисоболо. В чем дело?

Вольпино. Но теперь, когда я тебя вижу, о господи мой...

Крисоболо. Что за ахинею несешь ты?

Вольпино. ...я начинаю дышать.

Крисоболо. Да говори же скорей!

Вольпино. Я был мертв, но сейчас...

Крисоболо. Что стряслось?

Вольпино. ...вновь ожил.

Крисоболо. Скажешь ли ты наконец, в чем дело?

Вольпино. Твой Неббья...

Крисоболо. Что же сделал?

Вольпино. ...вор, пьяница...

Крисоболо. Чем же он провинился?

Вольпино. Я еле на ногах стою, столько пришлось прогонять взад и вперед.

Крисоболо. В двух словах скажи, что он такое на- творил?

Вольпино. По его глупости ты разорен.

Крисоболо. Не мучь меня больше, не убивай окончательно.

Вольпино. Он дал возможность украсть...

Крисоболо. Что?

Вольпино. ...из твоей комнаты, где ты обычно почи- ваешь...

Крисоболо. Что именно?

Вольпино. ...ключи от которой ты доверял лишь ему одному и так его просил...

Крисоболо. Какую же вещь он дал возможность украсть?

Вольпино. Тот сундучок, что ты...

Крисоболо. Сундук, что я...

Вольпино. Тот, который из-за спора между Аристан- дро и... как, бишь, его зовут?..

Крисоболо. Сундук, который был у меня на хра- нении?

Вольпино. Говорю — сундучок тую-тую... он укра- ден.

Крисоболо. О трижды несчастный и жалкий Крисо- боло! Ты оставил свой дом на этих мошенников, на этих мерзавцев, на этих висельников! С таким же успехом ты мог оставить его на ослов!

Вольпино. Хозяин, если ты найдешь не в порядке кухню, о которой я должен заботиться, выбрани меня как следует и накажи... Но к твоей комнате я не имею никакого касательства...

Крисоболо. И это благоразумие Эрофнло? Это поступок примерного сына? Вот какую заботу проявляет он о своем и моем имуществе!

Вольпино. По чести говоря, ты неправ, что так на него нападаешь. Разве он виноват? Вот если бы ты доверил ему бразды правления, как это делают другие отцы, и он, исполняя свой долг, радел бы обо всем — быть может, твои дела пошли бы лучше. Но когда ты больше доверяешь пьянице, беглому слуге, чем родному сыну, то, коли случилась беда, пеняй лишь на себя самого.

Крисоболо. Не знаю, что и делать. Я разорен вконец. Нет более несчастного человека на свете, чем я.

Вольпино. Хозяин, раз ты здесь, у меня появилась надежда, что сундучок найдется. Господь осенил тебя вернуться вовремя.

Крисоболо. Каким образом? Разве есть у тебя какой-нибудь след, по которому мы можем его найти?

Вольпино. Нынче я так измучился, гоня повсюду и разнюхивая, как собака, то там, то сям, что, кажется, могу сказать, где находится твое добро.

Крисоболо. Если тебе известно, почему же ты не хочешь сказать?

Вольпино. Я не утверждаю, что это наверняка, но сдается мне, что догадываюсь.

Крисоболо. Кого же ты подозреваешь?

Вольпино. А ну-ка подойди поближе... еще, еще... тебе на ухо... Еще, еще ближе.

Крисоболо. Боишься, что нас услышат?

Вольпино. Да, и именно тот, кто, по-моему, украл.

Крисоболо. Значит, он живет тут неподалеку?

Вольпино. В этом доме.

Крисоболо. Что? Ты думаешь, что украл тот сводник, который живет здесь?

Вольпино. Так я думаю и даже в этом уверен.

Крисоболо. Какие же у тебя основания?

Вольпино. Я говорю тебе, что уверен. Но, ради бога, не будем терять время на болтовню — каким путем, с ка-

кими трудностями, какой хитростью мне удалось в этом убедиться, ибо всякое промедление опасно. Этот проходец собирается на заре улепетнуть.

Крисоболо. Что же, по-твоему, я должен предпринять? Я чувствую себя сейчас столь удрученным и просто не знаю, иа что решиться.

Вольпино. Мне сдается, что нам надо немедленно отправиться к бассаму и сказать ему, что пнусный сводник, твой сосед, украл у тебя сундучок, с которым собирается бежать. Проси бассама отнестись к тебе справедливо и дать иа подмогу своих людей для розыска сундука, который, мол, как тебе кажется, все еще находится в доме сводника.

Крисоболо. Как же я могу доказать, что это именно так?

Вольпино. Разве плохая улика, что, будучи сводником, он к тому же еще и вор? Если ты это скажешь, бассам поверит тебе больше, чем десятку свидетелей!

Крисоболо. Если ничего лучшего мы не придумаем, песенка иаща спета. Кому же больше верят ныне великие мира сего, кто у них больше в чести, как не сводники? Над кем больше глумятся, как не над порядочными и приличными людьми? Против кого чаще всего строят козни, как не против мне подобных, о которых идет молва, что они состоятельные, денежные люди?

Вольпино. Колн я пойду с тобой, я приведу ему такие улики и доказательства, что он не сможет, даже при желании, не поверить. Ну, хватит разговоров, иначе мы упустим время. Идем скорей, прибавим шагу. Надо успеть доложить обо всем бассаму, а то как бы сводник не выкинул какой-нибудь новый фортель.

Крисоболо. Идем... Впрочем, стой! Мне пришла в голову более счастливая мысль.

Вольпино. Что же лучше можно еще придумать?

Крисоболо. Россо, беги скоренько в дом Критоне и от моего имени попроси его не медля прийти сюда. Говорю же тебе, беги; жду тебя здесь. Лети со всех ног.

Вольпино. Что ты придумал?

Крисоболо. Хочу неожиданно-негаданно нагрянуть в дом к своднику. Ведь могу я, имея одного-двух достойных доверия свидетелей, отобрать свое добро, если я его иай-

ду? Если же мы сейчас пойдем к бассаму, то только зря потеряем время. Он либо ужинает, либо собирается играть в карты или шахматы, а то, может, так устал, что готовится почить от дел своих. О, я отлично изучил повадки сильных мира сего. Когда они скучают в одиночестве и бездельничают, им страшно как хочется показать свою непомерную занятость. Они приказывают слуге стоять у двери и разрешают впускать только шулеров, сводников, разных подозрительных личностей, а честных, благородных граждан гонят в шею.

Вольпино. Если ему дадут понять, что дело твое спешное, он не откажется тебя впустить.

Крисоболо. Любопытно, как же это ему дадут понять? Разве ты не знаешь, как привратники и слуги обычно отвечают: «Доложить не могу». — «Ну прошу, скажи, что это я». — «Не велено ничего принимать». И все тут. Так отбреют, что не будешь знать, куда деваться. Все же я поступаю, как решил. Так будет лучше и вернее, лишь бы сундучок нашелся.

Вольпино. Наверняка он там, иди смело. Ты здорово придумал.

Крисоболо. Пока мы поджидаем Критоне, расскажи мне без утайки, как и когда вы узнали, что сундучок украден, и по каким признакам ты пришел к убеждению, что украл его именно сводник?

Вольпино. Долгая история. У нас времени нет. Лучше уж сначала поищем сундучок, а потом я тебе все подробно расскажу.

Крисоболо. Времени у нас хватит. Раз ты не хочешь рассказать все по порядку, то поведай хоть частично.

Вольпино. Ладно, хоть наперед знаю, что не успею тебе и половины рассказать, слишком мало времени.

Крисоболо. Ты мне уже кое-что рассказал, теперь продолжи.

Вольпино. Ну, раз ты так настаиваешь, я тебе все расскажу. Слушай же. Нынче, после того как мы победили и сынок твой вернулся домой — он обедает на стороне, — появляется Неббья, чтобы передать Эрофило ключ от твоей комнаты, о чем его никто не просил.

Крисоболо. Нечего сказать, хорош слуга! Сделал именно то, что я строго-настрого запретил!

Вольпино. Так вот Неббья и говорит Эрофило: «Мне надобно сходить на площадь по разным делишкам, пусть ключ побудет у тебя, пока я вернусь». Эрофило, не долго думая, берет ключ, а Неббья уходит из дома, и только его и видели.

Крисоболо. И тут он меня ослушался! Неужто надо было особо вдалбливать ему, что он не смеет оставлять дом!

Вольпино. Слушай дальше. Так мы сидели, болтая о разных разностях, а потом заговорили об охоте — де, мол, неплохо было бы отправиться пострелять. Тут-то Эрофило вдруг вспомнил о своем охотничьем роге, который ему будто бы давным-давно не попадался на глаза. Он вздумал его искать в твоей комнате. Взял ключ, отпер дверь, я шмыгнул вслед за ним. Первым вошел твой сын и внезапно обнаружил, что сундучка и в помине нет. Тогда он обернулся ко мне и говорит: «Послушай, Вольпино, не знаешь ли ты, мой отец отдал его Аристандро, у которого взял на хранение?» Я поглядел на Эрофило, донельзя удивился и ответил, что ничего не знаю. Тут я вспомнил, что, когда ты уезжал, я видел сундучок у изголовья твоей кровати, где он обыкновенно стоял. Я сразу догадался о хитроумии твоего Неббья, который, зная об исчезновении сундучка, отдал ключ от комнаты Эрофило, дабы всю вину свалить на него, а самому выйти сухим из воды. Смекаешь, какое я делаю заключение?

Крисоболо. Смекаю. Ах, разбойник! Коли не умру...

Вольпино. Он дурачком прикидывается, на самом же деле хитрее самого дьявола. Ты его плохо знаешь.

Крисоболо. Продолжай.

Вольпино. Теперь, как я тебе уже сказал, дорогой хозяин, Эрофило и я, обнаружив случившееся, только переглянулись и стали меж собой рассуждать, кто же словчился унести сундучок. Я спрашиваю у Эрофило, а он у меня — что нам делать, что предпринять, чтобы хоть кое-что разведать. Стали мы советоваться, прикидывать так и эдак, а все не можем придумать, куда же нам обратиться, где найти управу. О дражайший мой хозяин, с самого моего рождения мне не случалось попасть в худшую беду, в столь ужасную переделку. Нынче мне было так тошно, я пребывал в таком отчаянии, что, как высшей милости,

желал для себя либо смерти, либо вообще никогда не рождаться на свет божий. А вот, никак, и Критоне с братом Аристипо. Дорасскажу после, когда представится более удачный случай.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Критоне, Крисоболо, Вольпино.

Критоне. Куда ни глянешь, всюду воры, но в здешних местах их во сто крат больше, чем где-либо на земле. Разве хватит у нас духу разъезжать по белу свету, когда даже у себя в доме нас подстерегают всевозможные опасности. О Крисоболо, да хранил тебя бог! Мы пришли сюда, чтобы помочь тебе, насколько это в наших силах.

Крисоболо. Весьма сожалею, что побеспокоил в такой неурочный час. Прошу, в другой раз располагайте и мною как вам будет угодно.

Критоне. Не положено нам вести такой разговор. Мы готовы сделать для тебя все, что только возможно.

Крисоболо. Угодно ли вам войти со мной в этот дом и быть свидетелями того, что там произойдет?

Критоне. И сейчас и во всех других случаях можешь нам приказывать и располагать нами.

Крисоболо. Ну, тогда пошли.

Критоне. Мы с тобой.

Вольпино. Станьте под стеной и спрячьте свет. Я постучу в дверь. Как только откроют — входите разом. Я буду стоять в дверях, чтобы, пока вы обыскиваете комнаты, Лукранио не смог вынести сундучок из дома.

Крисоболо. Ну, стучи, Вольпино, а вы приготовьтесь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Фульчо, Вольпино.

Фульчо. Есть же наглецы, которые похваляются, что многое могут сделать, а когда надобно это доказать — уползают в кусты. Вот и пьяница этот Вольпино из таких.

А не далее как сегодня он еще похвалялся, что с помощью одного своего приятеля может самым простейшим и наилучшим способом похитить у сводника одну из его девиц, да при этом обещал еще сообщить нам о ходе своего предприятия, дабы мы могли доделать то, что ему не удастся. Мы с Каридоро весь вечер подстерегали его, но пока ничего нового не слышали. Хотелось бы знать, изменил ли он свое намерение или ему что-либо помешало?

Вольпино. Кто-то идет. Кажется, собирается постучать в нашу дверь. Эй, приятель, ты кого ищешь? Кто тебе нужен?

Фульчо. О, Вольпино, я ищу и мне нужен имению ты

Вольпино. А я-то не узнал тебя, Фульчо. Тебе что?

Фульчо. Что мне? Как? Ты уже передумал или забыл о том разговоре, который произошел нынче между нами?

Вольпино. О, Фульчо, дьявол, как говорится, встрял с головой, хвостом и рогами в наше дело и увлек в преисподнюю все наши замыслы.

Фульчо. Что случилось, Вольпино?

Вольпино. Я тебе скажу, но... только помалкивай.

Фульчо. Что это за толпа с таким шумом выходит? Что за суета в доме сводника?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лукрано, Крисоболо, Критоне, Вольпино.

Лукрано. Разве так поступают с чужеземцами, с личными людьми?

Крисоболо. А разве так поступают с гостеприимными хозяевами, плут ты прожженный, а?

Лукрано. Не будет по-твоему. Даже если мне придется дойти до самого господина бога!

Крисоболо. Ну, так высоко я забираться не стану, я найду местечко поскромнее, где твоя наглость будет мигом пресечена.

Лукрано. Не воображай, что если я сводник, так меня и слушать не станут.

Крисоболо. И ты еще смеешь разговаривать?

Лукрано. Что же у меня, языка нет, чтобы доказать свою правоту?

Крисоболо. Веревка тебе так горло затянет, что он у тебя на аршин изо рта вывалится. Посмотрел бы я на тебя, когда б ты нашел в чужом доме свое добро!

Лукрано. Пытай меня и всех моих домочадцев, и я докажу какому угодно судье, что сундучок мне дал в залог один купец за девицу, как я уже тебе говорил.

Крисоболо. Лучше заткни свой поганый рот, разбойник ты этакий!

Лукрано. Это ты разбойник! Разве не ты кричал, что хочешь отобрать у меня сундук, и даже привел с собой подмогу?

Крисоболо. Послушай: если не станешь повежливей, я тебя проучу...

Критоне. Не пристало тебе браниться с этим прохожим. Лучше идем. А ты, если считаешь себя обиженным, приходи завтра в магистрат и жалуйся. Идем, Крисоболо.

Лукрано. Будьте покойны, вы еще обо мне услышите. Не будет, черт возьми, по-вашему, не будет. Сейчас их слишком много, а я один. Ладно, увидимся там, где их будет числом поменьше.

Крисоболо. Видал ты когда-нибудь более дерзкого и наглого жулика, чем этот?

Критоне. По правде говоря, нет. Тебе повезло, Крисоболо, чему я весьма рад.

Крисоболо. Повезло, как редко кому на свете.

Критоне. Мы тебе еще нужны?

Крисоболо. Что до меня, я всегда готов услужить вам чем смогу. Вольпино, возьми фонарь и отнеси домой.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Фульчо, Вольпино, Критоне, Аристипо.

Фульчо. Ты что, Вольпино, хочешь, чтобы я подождал тебя?

Вольпино. Да, мне надо кое о чем с тобой потолковать.

Фульчо. Возвращайся скорей.

Вольпино. Я мигом. Но, пожалуй, лучше, если ты тоже пойдешь.

Фульчо. А тебе далече?

Вольпино. Да вот тут за углом, в первый дом.

Фульчо. И я с тобой.

Вольпино. Отлично, вернемся вместе и потолкуем.

О дьявольщина!

Фульчо. Какая тебя муха укусила? Что с тобой?

Вольпино. О, я разорен, я погиб.

Фульчо. Что еще случилось?

Вольпино. Возьми фонарь и проводи хозяев в дом. Будь проклята моя короткая память!

Фульчо. А ну, берите фонарь и сами себе светите. А я хочу узнать, что опять у этого крикуна стряслось.

Критоне. Ну и справные же вы слуги и поистине вежливые юиоши!

Аристипо. Ну что ж! Сделаем, как неаполитанские щеголи, которые, как говорят, друг дружку не напроважуются.

Фульчо. Что с тобой, бестия? Что у тебя еще случилось?

Вольпино. О ужас! Я оставил Траппола дома в одежде старика и совсем позабыл, что, прежде чем хозяин вернется, надо его раздеть и обрядить в тот кафтан, что спрятан в моей комнате.

Фульчо. Ну и растяпа! Беги быстрее и спрячь Траппола, чтобы он не попался на глаза Крисоболо.

Вольпино. Не успею. Уже поздно, я слышу шум и ужасную возню.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Крисоболо, Вольпино, Траппола.

Крисоболо. Куда бежишь без оглядки? Стой, воровская ты рожа! Как ты посмел стащить мое платье?

Вольпино. Что будет с тобой, несчастный Вольпино?

Крисоболо. Уже не тот ли ты добрый человек, который украл и мой сундучок?

Вольпино. Ой, мне надо немного поближе к нему подойти!

Крисоболо. Ах, мошенник, ты не отвечаешь? Кому я говорю! А ну, помогите его задержать! Так ты не желаешь говорить, а? Он либо нем, либо притворяется.

Вольпино. Лучшего способа защиты бедняга не мог придумать. Надо поспешить к нему на помощь. Хозяин, что тебе понадобилось от него?

Крисоболо. Я наткнулся на него в кухне, он в моем платье, как ты видишь.

Вольпино. Интересно, какой черт занес этого немого на кухню?

Крисоболо. Я не могу добиться от него ни одного слова.

Вольпино. Как же ты хочешь, чтобы он тебе ответил, коли он немой?

Крисоболо. Неужто немой?

Вольпино. А ты его разве не знаешь?

Крисоболо. Да я его и в глаза никогда не видел.

Вольпино. Странно! Это тот самый немой, что сидит возле таверны «Обезьяна».

Крисоболо. Никакого немого, никакой «Обезьяны» я сроду не видывал! По-твоему, я пропойца, который только и знает, что шляется по тавернам?

Вольпино. Мне сдается, что на нем твое платье; да-да, я его узнаю!

Крисоболо. Вот отчего я и сержусь.

Вольпино. А на голове твоя шляпа.

Крисоболо. Мне кажется, что он одет в мою одежду с головы до пят.

Вольпино. Ей-богу, ты не ошибся. Удивительно странная история. А ты не спросил, кто же это умудрился вырядить его во все твое?

Крисоболо. Как же ты хочешь, чтобы я его спросил, коли он немой и мне не отвечает.

Вольпино. Заставь его объясниться знаками. Но дай лучше я спрошу. Для меня это сущий пустяк.

Крисоболо. Ладно, спроси.

Вольпино. Кто тебе дал платье хозяина? Вот это, вот это. Откуда ты его взял?

Крисоболо. Этот чудака рассуждает руками так, как другие языком. Ты понимаешь, что он говорит?

Вольпино. Он совершенно ясно дает понять, что какой-то человек из этого дома взял его одежду, надел на него вот эту и велел обождать, пока он вернется. Поэтому он здесь стоит и ждет.

Крисоболо. Человек из этого дома? Постарайся узнать, кто именно.

Вольпино. Ладно.

Крисоболо. Я могу сто лет глазеть на его пляшущие руки и все равно ни черта не пойму. Что значит, например, когда он поднимает руку и прикасается либо к макушке, либо к лицу?

Вольпино. Он хочет этим сказать, что человек этот высокий, поджарый, с большим носом и седой головой и говорит скороговоркой.

Крисоболо. Сдается, что он намекает на Неббья. Другого такого у нас в доме нет. Но откуда он знает, как говорит Неббья? Значит, он с ним разговаривал?

Вольпино. Но я ведь не сказал, что он глух, я сказал, что он нем. Без сомнения, это Неббья. Ты более догадлив, чем я.

Крисоболо. Зачем же понадобилось этому олуху снимать платье с немого?

Вольпино. Сейчас смекну зачем. Он увидел, что сундука нет на месте и ему надо спастись. а для того чтобы не быть узнанным, он сменил одежду.

Крисоболо. Страшно, почему он оставил немоу не свою одежду, а именно мою?

Вольпино. Дьявол его возьми, почему я знаю? Разве тебе неизвестны повадки этого сумасшедшего?

Крисоболо. Отведи немого домой и дай ему какой-нибудь старый плащ, не то он перепачкает мою одежду.

Вольпино. Сейчас все будет сделано.

Крисоболо (в сторону). А ведь на самом деле все могло быть совсем по-другому, да-да, поистине совсем по-другому. Нельзя верить каждому слову Вольпино. В конце концов, он же не апостол. Не уходи, постой, Вольпино. Не говорил ли сводник, что сундук ему принес какой-то купец? И если память мне не изменяет, он как будто сказывал, что купец был именно так одет?

Вольпино. Ты хочешь поверить болтовне этого разбойника?

Крисоболо. Ну, знаешь ли, тебе еще меньше можно верить. Эй, Руссо, Галло, Марсо, держите немого крепко или лучше свяжите его!

Вольпино. Что это значит?

Крисоболо. Отправляю-ка я его куда следует. Пожалуй, добрая веревка заставит его заговорить.

Вольпино. Почему я знаю, немой он или нет? Однако, если тебе кажется, что он притворяется, я отведу его к своднику, и, коли он купец, как ты догадываешься, тот в миг его распознает.

Крисоболо. Нет! Пусть делают так, как я приказал. А если у вас нет веревки, отрежьте канат, что у колодца, свяжите ему руки, но сперва сдерите с него, черт побери, мою одежду.

Траппола. Прости, Вольпино, пока я слышал одни слова, я хотел тебе быть полезен...

Вольпино. Увы!

Траппола. Но, поверь, из-за тебя я не желаю быть ни калеккой, ни тем болсе трупом.

Крисоболо. О, будь благословенна веревка, способная произвести чудо, ибо немые вновь обретают дар речи. Веревка по тебе плачет, Вольпино! А не думаешь ли ты, что она излечит тебя от алчности? Теперь, немой, отвечай: кто дал тебе эту одежду?

Траппола. Твой сын и Вольпино.

Крисоболо. Зачем?

Траппола. Они посылали меня похитить одну девушку из дома сводника.

Крисоболо. Так, верно, это ты, кто доставил туда мой сундучок?

Траппола. Да, мне дали ваш сундук, чтобы я оставил его в залог. Я сделал, как мне велели.

Крисоболо. И у тебя, Вольпино, хватило решимости оставить в руках беглого каторжника мою вещь, подвергая ее опасности, и дать моему сыну, которого я оставил на твое попечение, столь добрый совет? И ты отважился насмеяться надо мной и водить меня за нос, будто я последний дурак? Черт возьми, тебе не придется похвастаться этим. Развяжите немого и свяжите этого негодяя.

Вольпино. О, хозяин, твой сын заставил меня так поступить. Ты ведь оставил меня как слугу, я не наставник и не опекун его.

Крисоболо. Коли сегодня ночью я не умру, ты будешь наказан в назидание другим, которые уже никогда не осмелятся делать меня посмешищем.

Вольпино. О господин мой, смилуйтесь!

Крисоболо. Я проучу тебя, мерзавец. Ступай в дом, я хочу знать о твоих проделках во всех подробностях.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Фульчо, один.

— Да, плохи наши делишки, а делишки Вольпино и того хуже. Как изменница судьба все вверх дном перевернула. Поначалу она даже улыбалась, а может, и продолжала бы улыбаться, не будь у этого полоумного столь короткая память. Не знаю, что и придумать. Разве посоветовать Кадиродо отказаться от этой затеи? Если я не гожусь ему, чтобы помочь добиться успеха в любовных делах, быть может, мне удастся склонить его на то, что принесет ему выгоду, покой и честь. Что же предпринять? Послушается ли меня? Наверняка нет. Мои советы скорее ввергнут его в отчаяние, чем наставят на путь благоразумия. А что, если несчастный остановится на нелепой выдумке Вольпино? Ведь если он не добьется при моем участии желанного конца, разве вечный позор не падет на мою голову? Сдается мне, я не способен уже ни на какую хитрость, если Вольпино нет рядом и он меня не поучает. А так как я до сей поры ничего путного сам не добился и меня все время постигает неудача, то все равно вся слава достанется Вольпино. Не дай боже, чтобы меня считали его учеником или чтоб я позволил бросить себе в лицо такое обвинение. Итак, что же делать? Сделаю по-хорошему... Но как? Я сделаю... Нет, не подойдет... так будет слишком явно... А что, если пойти иным путем?.. Но каким? Нет, опять не подойдет... получится то же самое. Попытаемся еще одним, может, он окажется проще... Да нет... тоже чепуха получается... Впрочем, не такая уж чепуха... Если найти зацепку, пожалуй,

подойдет... О, отлично, чудесно, превосходно! Наконец-то я отыскал путь, который приведет к удаче! Молодец, Фульчо! Всем докажу, что я не ученик и сам всех учителей за пояс заткну. Итак, вперед с целой повозкой лжи, нанесем этому алчному своднику первый удар. Судьба, будь же ко мне благосклонна! Удайся мой план — и я буду пить три дня без просыпу. Кажется, мои мольбы услышаны и судьба посылает мне врага, чтобы я мог отомстить.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лукрано, Фульчо.

Лукрано. Чем дольше я откладываю свою жалобу, тем слабее мои резоны. Я жду возвращения Фурбы, чтобы он отправился со мной. Но он куда-то запропал, придется, верно, идти одному.

Фульчо. Боже мой, только бы застать Лукрано дома...

Лукрано. Кто-то называет мое имя.

Фульчо. ...и сообщить, что ему грозит разорение.

Лукрано. Что он такое несет?

Фульчо. Пусть хотя бы поторопится спасти жизнь.

Лукрано. Ой, ой!

Фульчо. Если только не подвернется редкостная удача, он будет вконец разорен.

Лукрано. Не шуми, Фульчо. Если ты ищешь меня, я здесь.

Фульчо. О несчастный, злополучный Лукрано, что ты здесь делаешь? Почему не спешишь с бегством?

Лукрано. Почему не спешу с бегством?

Фульчо. Почему не спрячешься, не искоронишься от света? Бедняга, говорю тебе, спасайся, покуда есть время.

Лукрано. Почему ты думаешь, что мне надо бежать?

Фульчо. Если тебя найдут, то немедленно вздернут на виселицу!

Лукрано. А кто же прикажет меня вздернуть?

Фульчо. Бассам, мой господин. Беги, говорю тебе. Ты все еще стоишь и не двигаешься с места! Спасайся, несчастный!

Лукрано. За что же меня могут вздернуть?

Фульчо. Ты ограбил Крисоболо, твоего соседа.

Лукрано. Это неправда.

Фульчо. Он обнаружил кражу при свидетелях. И ты все еще медлишь? Спасайся же скорее, беги. Что ты делаешь?

Лукрано. Если бассам захочет выслушать мои доводы...

Фульчо. Не теряй время на пустую болтовню, несчастный. Беги к черту, к дьяволу. В двадцати шагах от нас стражник, ему приказано немедленно тебя схватить и повесить, с ним палач. Беги же, растворишься как дым.

Лукрано. Ах, Фульчо, я отдаю себя в твои руки. С тех пор как я тебя узнал, я навсегда полюбил тебя и старался где только можно сделать тебе приятное.

Фульчо. Вот почему я и пришел предупредить тебя.

Лукрано. Спасибо, Фульчо.

Фульчо. Эх, кабы хозяин мой узнал об этом, он велел бы меня повесить вместе с тобой. Но беги скорей и больше не кважай.

Лукрано. Куда мне бежать?

Фульчо. Почему я знаю. Я исполнил свой долг. Если тебя повесят, пеняй на себя. Я не хочу болтаться на виселице вместе с тобой.

Лукрано. Ах, Фульчо, ах, Фульчо!

Фульчо. Да не произноси ты моего имени! Хочешь, чтобы меня четвертовали? Люди могут услышать и донести хозяину, что я предупредил тебя.

Лукрано. Умоляю, Фульчо, не оставляй, спаси меня.

Фульчо. Пусть уж лучше тебя повесят. Я ни за что на свете не хочу, чтобы бассаму передали, будто я разговаривал с тобой.

Лукрано. Умоляю, бога ради, одно лишь слово!

Фульчо. Нет времени тут цацкаться с тобой. Сдается мне, я слышу чьи-то шаги. Уверен, что это стражник.

Лукрано. Я с тобой!

Фульчо. Э, нет, беги в другую сторону.

Лукрано. Бегу, бог тебя простит, Фульчо!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Фульчо, Эрофило, Фурба.

Фульчо. ...И вот всякими штучками, словами и жестами — мне, надо сказать, прекрасно это удалось — я нагнал на этого олуха такого страху, что он лупил через весь город как угорелый. От малейшего шороха дрожал как осиновый лист, ему все казалось, что за ним гоиятся сбирь.

Эрофило. Просто поразительно, как он, зная, что все эти обвинения сплошная глупость, не явился сам в магистрат.

Фульчо. Какое там явиться, что ты! Ведь я его убедил, что у сбира есть твердый приказ — без допроса, без следствия немедленно его вздернуть, как только он попадетсЯ.

Эрофило. Не понимаю, как он мог так легко поверить тебе.

Фульчо. Пусть тебе не кажется это странным. С такимн, как он, мой хозяин и не такие штучки проделывал. Одио слово «сводник» приводило его в ярость. И об этом Лукрано отлично знал.

Эрофило. Однако, сознавая свою невинность...

Фульчо. Еще чего? Ну, допустим, в этом деле он невинная овечка. А сколько злодеяний остается на его совести? Самое меньшее из них заслуживает тысячу виселиц! Вот этого-то он больше всего и боится. Сесть в тюрьму, подвергнуться, как грабитель, пыткам. Если бы он даже доказал, что дело с сундуком чистая клевета, то все равно оставалась угроза, что вскроются другие его проделки, за которые смертной казни не миновать.

Эрофило. А как ты сможешь убедить его пойти в комнату Каридоро?

Фульчо. Я дал ему понять, что бассам, решивший его повесить во что бы то ни стало, отдал строжайшее распоряжение впредь до ареста Лукрано не выпускать с острова ни одного судна и самым тщательным образом обыскать все дома. Своей болтовней я привел его в такое отчаяние, что не знаю столь высокой башни, с которой он не бросился бы, лишь бы скрыться. Потом я сделал вид, что хочу помочь ему, и посоветовал обратиться к Каридоро, который, мол, к нему дружески расположен. И уж ежели он там не найдет помощи и совета, то пусть не надеется получить их от других.

Эрофило. Так, значит, ты его туда провел?

Фульчо. Мне удалось так его заговорить, что в конце концов затащил. Ты бы только на него поглядел... Бледный, дрожащий, весь в слезах, он просил, умолял Каридоро, дабы тот сжалился над ним, обнимал колени, целовал ноги, обещал ему не только девушку, но и все, что у него есть на свете.

Эрофило. Ха-ха-ха!

Фульчо. Я хотел бы, чтобы ты только взглянул на Каридоро, как он корчил из себя святошу, который боится родительского гнева. Он всячески просил сводника уйти из дома, ибо, мол, не хочет быть причиной огорчений того человека, которого больше всех на свете должен почитать и любить.

Эрофило. Ха-ха-ха!

Фульчо. Ты бы только поглядел на меня в тот момент, когда я представил беднягу синьору Каридоро и давал ему советы, как лучше помочь этому прохвосту.

Эрофило. Ха-ха! Вот это действительно шутка так шутка!

Фульчо. В конце концов я посоветовал Лукрано привести Кориску. В ее присутствии, мол, легче будет уговорить юношу. Он согласился написать вот эту расписку и дал мне в залог свое кольцо. Итак, я иду за Корнской, приход которой, как я уверен, все приведет к благополучному разрешению.

Эрофило. Значит, сводник ждет тебя в комнате Каридоро?

Фульчо. Обожди, я еще самого главного тебе не рассказал. Мы, чтобы сводника не видел ни домохозяева ни всякие посетители, что вечно толкуются в доме, заставили Лукрано спрятаться под кровать. Теперь он трясется там от страха и не смеет даже вздохнуть, чтобы себя не выдать.

Эрофило. То, что любовные треволнения Каридоро так славно закончились, удваивает мою радость, ибо я сам нашел мою Эулалию. Мне куда радостнее было ее обрести теперь после стольких огорчений и страхов, после уверенности, что она для меня потеряна навсегда, чем тогда, когда я впервые ее поджидал и мне должен был привести ее наш купец.

Фульчо. Вот так всегда бывает. Чем неожиданнее и труднее достается хорошее, тем оно дороже.

Эрофило. Значит, неожиданное зло куда докучливее, чем то, к которому ты подготовлен. Я испытываю это сейчас, когда узнал скверную весть, что отец мой вериулся и ему стали известны все наши проделки, а Вольпино, наш советчик, в тюрьме.

Фульчо. Ну, а ты очень просто можешь управиться с этим злом. Несколько ласковых слов отцу — он раскиснет, простит тебя и сделает все, что ты только захочешь, ибо ты покажешь, что относишься к нему с почтением и боязнью. А коли воцарится мир, Вольпино будет избавлен от грозившей ему беды. Теперь, Эрофило, спасение Вольпино в твоих руках.

Эрофило. Я сделаю все, что от меня зависит.

Фульчо. Еще одно дело, не менее важное, нам предстоит обмозговать.

Эрофило. Какое?

Фульчо. Завтра на заре сводник собирается бежать.

Эрофило. Ну и пусть себе. Кто может ему помешать?

Фульчо. У него ни гроша за душой, я это знаю доподлинно. Но чтобы подняться со всеми домохозяевами и барахлом да еще кормиться в пути...

Эрофило. Ну, об этом ты должен поговорить с кем-нибудь другим. Для него у меня нет денег.

Фульчо. Ты, я вижу, обеднел. Займи.

Эрофило. У кого?

Фульчо. У еврея-ростовщика, коли нет никого, кто мог бы тебе ссудить.

Эрофило. А сколько надо?

Фульчо. Если дать двадцать пять — тридцать сараффи, будет достаточно.

Эрофило. Ты зря за него просишь, денег у меня нет и неоткуда взять.

Фульчо. Остальные двадцать пять отсыпет Каридоро.

Эрофило. Знай я, как раздобыть деньги, я не ставил бы себя уговаривать.

Фульчо. Что же делать?

Эрофило. Попробуй что-нибудь придумать.

Фульчо. Да я уже придумал. Дай мне хоть совсем немного.

Эрофило. Ни троша. Зря бросаешь слова на ветер. Лучше подумай, как обойтись без денег.

Фульчо. Нет, без денег ничего не выйдет.

Эрофило. Тогда постарайся сам найти.

Фульчо. Вот я и ломаю голову, где бы их раздобыть.

Эрофило. Ну, думай.

Фульчо. Еще раз хорошенько подумаю и за себя и за тебя.

Эрофило. Полагаюсь на твою смекалку. Ты из-под земли достанешь, если не сможешь на земле найти.

Фульчо. Ну что ж, придется и эти хлопоты взять на себя. Попробую сыскать деньги сегодня же ночью. Сперва я постараюсь отвести девицу к Каридоро, а затем пущусь во все тяжкие, чтобы раздобыть денег. Эй, послушай! Кто бы ты ни был — стой! Мне надобно с тобой поговорить.

Фурба. Будь я даже твоим рабом, ты не посмел бы со мной столь дерзко разговаривать. Коли я тебе нужен, можешь сам подойти поближе.

Фульчо. Как будто это его слуга. Так и есть! А он неплохо подражает спеси своего хозяина.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эрофило, Крисоболо.

Эрофило. Пойду домой и постараюсь умаслить отца. Не будь надобности выручить Вольино, я бы еще дней десять не посмел показаться ему на глаза. Кто это откры-

вает дверь? Боже, кто это? Я чувствую, как у меня сжимается сердце!

Крисоболо. Не очень-то спешат они возвращаться! Где могут быть эти бездельники в такой час? А что, если бы я несколько месяцев отсутствовал? Меня не было здесь всего полдня, а вот видите, чего тут только не натворили! Ну а этому негодяю, пожалуй, крышка! Какой же я был болван, что слушал его вранье!

Эрофило. Я в сомнении — показаться мне или спрятаться?

Крисоболо. Коли он сумеет, пустив в ход свою хитрость, освободиться от колодок, разрешаю ему надеть их на меня!

Эрофило. Надо набраться духу, иначе Вольпино погиб.

Крисоболо. А, ты здесь, достойный сынок?

Эрофило. О отец, разве ты не уезжал? Когда же ты вернулся?

Крисоболо. Как смеешь ты, разбойник и негодяй, показываться мне на глаза?

Эрофило. Отец, я сокрушаюсь до глубины души, что стал причиной твоего огорчения.

Крисоболо. Коли ты правду говоришь, ты бы старался вести себя лучше, чем сейчас. Ступай же прочь и не показывайся мне на глаза до тех пор, пока не прощу.

Эрофило. В другой раз я буду осмотрительнее и не стану причинять тебе огорчений.

Крисоболо. Я вовсе не хочу, чтобы на словах ты обещал мне одно, а на деле поступал иначе. Никогда я не думал, Эрофило, что из послушного ребенка, которого я с таким трудом воспитал, выйдет один из самых распущенных и дурих юношей нашего города. Когда-то я надеялся, что ты будешь мне опорой в старости, но ты стал моим бичом, ты истлестал меня всего и приблизил мой смертный час.

Эрофило. О отец!

Крисоболо. Ты называешь меня отцом ради красного словца, а на деле ты мой злейший враг.

Эрофило. Отец, прости меня.

Крисоболо. Не чти я так памяти твоей матери, я бы отрекся от тебя. Ты не похож на меня своим поведением;

да, куда радостнее мне было бы, если б ты походил на меня хорошими делами, а не лицом.

Эрофило. Имейте снисхождение к моей молодости.

Крисоболо. Ужель ты думаешь, что я сам не был молод? В твои лета я всегда находился около твоего деда и, выбиваясь из сил, тщился ему помогать, чтобы приумножить и сохранить наше состояние, которое ты, негодный расточитель, всячески стараешься разбазарить и промотать. Самым большим желанием в дни моей молодости было, чтобы хорошие люди почитали меня хорошим, и я старался с ними беседовать и всячески им подражать. Ты же, наоборот, якшаешься с разными ворами, пьяницами, сводниками, отщепенцами. Будь ты поистине моим сыном, ты бы прежде сгорел со стыда, чем показался в их обществе.

Эрофило. Прости, отец, я оступился. Будь уверен, что это в последний раз. Не гневайся на меня.

Крисоболо. Клянусь богом, если ты не опомнишься, на свою беду узнаешь, что значит мой гнев. Если иногда я не делаю вид, что кое-чего не замечаю, то не думай, будто у тебя слепой отец. Если ты не исполнишь своего долга, я исполню свой. Лучше не иметь сына вовсе, чем иметь сына-негодяя.

Эрофило. Отец, я постараюсь в будущем исправиться.

Крисоболо. Будешь вести себя пристойно — ты не только доставишь мне великую радость, но и исполнишь свой долг. Этим ты принесешь и себе немалую пользу, в чем я уверен.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Фульчо, Марсо.

Фульчо. Что же, прикажете мне здесь всю ночь дожидаться, будто у меня дел других нет? Поторопи ее, я скоро вернусь, мне тут неподалеку. Ох уж эти жеищины, сколько времени они тратят, чтобы себя разукрасить! Кажется, конца-края не видно. Шляпки примеряют на десять

ладов, пока наконец не напаят. Ну что поделаешь! Сначала наводят лоск — ох и терпение надо иметь! — накладывают на лицо то белила, то румяна, потом снимают, прихорашиваются, обираются и начинают сызнова. Без конца крутятся перед зеркалом, любуясь собой, выщипывают брови, подкладывают бока и груди, моются, смазывают руки жиром, стригут ногти, чистят зубы... О, сколько труда, сколько драгоценного времени на все это переводится! А сколько баночек, вазочек и всяких безделушек надобно им иметь! Право же, меньше времени требуется, чтобы оснастить целую галеру! Пока что я смогу спокойно развернуть обещанное наступление на Крисоболо, ибо самая неподатливая крепость взята и, прежде чем враг двинет артиллерию, мне надобно преодолеть последний редут — кошелек этого скупердяя. Коли мне удастся, как я надеюсь, сломить, разбить и отбросить врага, слава достанется мне одному. Теперь я постучусь в эту дверь и буду атаковать ничего не подозревающую стражу.

Марсо. Кто там?

Фульчо. Пойди доложи Крисоболо, что посланец синьора бассамы хочет его видеть.

Марсо. А почему ты сам не войдешь?

Фульчо. Передай ему, чтобы он сделал милость и вышел, так как я явился к нему по чрезвычайно важному для него делу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Крисоболо, Фульчо.

Крисоболо. Кто меня спрашивает в такой неурочный час?

Фульчо. Не удивляйся и прости меня, что я вызвал тебя из дома. У меня к тебе секретный разговор, я боюсь войти внутрь, меня могут услышать слуги, а потом разнесут по городу. Здесь я лучше вижу все вокруг и могу быть уверен, что меня никто не подслушивает. Но выходи же на улицу и постарайся, чтобы твои слуги не высовывали свои носы.

Крисоболо. Эй вы, ждите меня в доме! Говори, что тебе нужно.

Фульчо. Сперва я должен приветствовать тебя от имени сына нашего бассама — Каридоро, который во имя дружбы с твоим сыном почитает и любит тебя, как отца родного, поэтому готов помогать тебе всегда и во всем и избавить тебя от всякой хулы и обид.

Крисоболо. Благодарствую и буду вечно ему признателен.

Фульчо. Теперь слушай. Выйдя недавно из дома на прогулку, как это в обычае у юношей, — я его сопровождал, — Каридоро на твоё счастье повстречал у самого дворца некоего сводника, который сказал, что он твой сосед...

Крисоболо. Вот как!

Фульчо. Он был весьма разгневан и кричал. С ним были двое, не знаю, уж кто они, и он очень жаловался на тебя и твоего сына.

Крисоболо. Что же он кричал?

Фульчо. Он нес бассама жалобу на какую-то выходку твоего сына, который, говоря по совести, и в самом деле человек скверного нрава и поведения... Так вот, не удержи этого сводника Каридоро...

Крисоболо (в сторону). Воображаю, какие мне еще уготованы огорчения по милости моего дорогого сыночка!

Фульчо. Да, сводник этот сказал, что какой-то проходимец, одетый в одежду купца...

Крисоболо (в сторону). Теперь я вижу, что...

Фульчо. ...под залог какой-то вещи увел одну из девиц. Я хорошенько не разобрал, в чем тут дело, ибо Каридоро велел мне как можно скорее предупредить тебя.

Крисоболо. Он поступил, как полагается хорошему другу.

Фульчо. А те двое, которых вел с собой сводник, как я уже тебе сказал, сдаются мне, хотят быть свидетелями со стороны Лукрано.

Крисоболо. О чем же могут они свидетельствовать?

Фульчо. Разговор идет о том, что разбойник, совершивший кражу, находится в твоём доме и что все проделано не без твоего ведома.

Крисоболо. Не без моего ведома?

Фульчо. Да, так говорят, и я даже слышал, что ты самолично отправился за сундучком в дом сводника.

Крисоболо. О, сколько бед может принести легкомыслие юноши, подстрекаемого мошенником!

Фульчо. Я не могу всего толком рассказать, так как очень спешил и слушал одним ухом. Каридоро просил тебе передать, что он постарается удержать сводника, насколько это в его силах, от разговора с бассамом. А сам тем временем пустит в ход все свое умение, чтобы помимо материального ущерба, который может быть очень велик, сын твой и ты не были бы публично опозорены.

Крисоболо. Что же я могу предпринять? Видишь, все несчастья валятся на мою седую голову.

Фульчо. Возврати своднику девицу и дай денег, чтобы он молчал.

Крисоболо. Пожалуйста, я охотно вернул бы ему девицу. Однако мне сдается, коли эти болваны по собственной тупости позволили похитить ее посреди дороги, то откуда же им знать, кто совершил это похищение?

Фульчо. Разве девица не в руках Эрофило?

Крисоболо. Говорю тебе, нет. Он даже не знает, где она.

Фульчо. Вот это зарез. Что же теперь делать?

Крисоболо. Почему я знаю? Знаю лишь одно — что я самый несчастный и жалкий человек на свете!

Фульчо. Пожалуй, самый лучший и верный способ — это заплатить своднику за девицу ровно столько, сколько бы за нее дали другие, и пусть он помалкивает.

Крисоболо. Мне кажется несколько странным вышвыривать деньги на то, что мне вовсе не нужно.

Фульчо. Нельзя же всегда на всем зарабатывать, Крисоболо. Разве не малая прибыль избавиться от великой беды, откупившись ничтожной суммой? Ведь тогда тебе не будет грозить огласка. Если до ушей сеньора дойдет слух о подобной жалобе, в каком положении ты очутишься? Сможешь ли ты представить доводы против? Посадить своего сына на скамью подсудимых? Просить об его изгнании? Подумай только, ты ведь сльвешь самым богатым человеком в городе. Там, где другие отделиваются сотней, тебе и тысячи будет мало. Согласен?

Крисоболо. Что же, по-твоему, я должен делать?

Фульчо. Сводник этот — человек бедный и боязливый, как все, кто промышляет той же профессией. Если ты заплатишь ему за девицу, он будет молчать. Каридоро уже дал ему понять, что коли он и после этого затеет с тобой тяжбу, то ему не поздоровится, ибо у тебя деньги и ты всю жизнь будешь с ним сутяжничать, да к тому же у тебя много друзей и родственников, которые заставят его в один прекрасный день раскаться, что он причинил тебе столько беспокойства.

Крисоболо. Знаешь ли ты, во сколько он оценил девицу? Или сколько он мог бы за нее получить?

Фульчо. Я слышал, что какой-то солдат-валонец предлагал ему сто сараффи, но он не согласился. Как будто меньше, чем за сто двадцать, он ее из рук не выпустит.

Крисоболо. Дешевле, пожалуй, приобрести целое стадо коров. Нет, это дорого. Я не могу. Очень сожалею, пусть делает все, что хочет.

Фульчо. Странно мне, что ты больше дорожишь своими грошами...

Крисоболо. Грошами, говоришь ты?

Фульчо. ...чем своим сыном, самим собой, своей честью. Так и передам Каридоро, что ты миром уладить это дело не желаешь.

Крисоболо. А нельзя ли меньшей суммой заткнуть рот этому сводику?

Фульчо. Пожалуй, можно ножом, он стоит дешевле; перерезать ему глотку — и все тут.

Крисоболо. Полно тебе. Я говорю — сто двадцать сараффи слишком дорого.

Фульчо. Может, я его умаслю сотней, как раз той суммой, какую давали другие.

Крисоболо. А меньше нельзя?

Фульчо. Почему я знаю? Ты бы хотел, чтобы я для твоего удовольствия успокоил его каким-нибудь грошами? Будь я на твоём месте, Крисоболо, я бы немедленно послал сына с деньгами к Каридоро. Мы все насели бы на сводника и уладили бы дело с наибольшей для тебя выгодой.

Крисоболо. Нет, лучше я сам к нему схожу.

Фульчо. Черт возьми, нет! Коли Лукрано увидит, что рыльце у тебя в пушку, он подумает, что Эрофило обманул

его с твоего согласия, и, в надежде окончательно тебя докопать, будет упорствовать елико возможно. Поэтому, мне кажется, пусть уж лучше Эрофило пойдет один и сделает вид, что тайком от тебя ищет с ним примирения и что деньги он взял либо у друзей, либо под проценты.

Крисоболо. Чтобы Эрофило пошел один? Черта с два! Да его всякий опутает и обездет вокруг пальца!

Фульчо. Нет ли среди твоих слуг осторожного и деловитого человека, чтобы послать с ним? Ну хотя бы твоего Вольпино? Это сам черт, а не человек. Он подойдет для этой цели как нельзя лучше.

Крисоболо. Этот плут был главой и коноводом всей разбойничьей затей. Я хотел надеть на него кандалы, и он получит по заслугам.

Фульчо. Не позволяй, Крисоболо, гневу овладеть тобой. Пошли его с Эрофило. Лучшего выхода ты не найдешь.

Крисоболо. Он самый последний негодяй, который только существует на свете. Однако сейчас у меня в доме нет никого, кто бы мог толком связать два слова, и я вынужден — увы! — прибегнуть к его помощи, как это для меня ни прискорбно.

Фульчо. Пусть сходит разок. У тебя еще будет время в другой раз наказать его.

Крисоболо. Один бог знает, как мне трудно разгрызть эту косточку. Ну, в добрый час. погоди, сейчас я их обоих пошлю с тобой.

Фульчо. Ладно, подожду. — Ну, теперь меня ожидает настоящий триумф, ибо враг окончательно разбит и уничтожен; без кровопролития, без потерь я сравнял с землей все его укрепления и редуты и увеличил изрядной суммой свою казну, о чем вначале и не мечтал. Теперь мне остается, о судьба, исполнить обещание, которое я тебе дал, — пить напропалую целых три дня. Я охотню тебя удовлетворю и скоро это сделаю, благо я испытываю великую жажду. Однако вот выходят мои солдаты, нагруженные военной добычей, натрабленной в доме Крисоболо. Их удачу можно приписать только моей смекалке и моей доблести.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Вольпино, Эрофило, Фульчо.

Вольпино. Я заставляю его молчать столько, сколько это будет нужно, и сделаю это лучше, чем ты сам. Знаю, ты будешь мною доволен.

Эрофило. О Фульчо, когда я смогу воздать тебе сторицей за все те благодеяния, что ты мне оказал? Если бы я отдал тебе все, что у меня имеется, то и тогда я не смог бы достойно оплатить твою услугу.

Фульчо. Хватит с меня и того, что ты доволен.

Эрофило. Но где же моя единственная надежда, мое утешение, мое настоящее спасение?

Вольпино. Каких огромных трудов, Фульчо, каких жесточайших мук тебе стоило спасти мне жизнь. Знай же, по одному твоему знаку я готов ее отдать тебе.

Фульчо. Вольпино, такие вещи делаются взаимно. Не кажется ли тебе, Эрофило, что ты достал денег даже с избытком?

Эрофило. Гораздо больше, чем мы договорились.

Фульчо. Я хотел бы, чтобы за вычетом тех денег, что мы отдадим своднику, у тебя осталось бы еще на содержание девушки, на всякие там ее нужды и расходы.

Эрофило. Вот тут все деньги. Делай с ними что хочешь.

Фульчо. Пусть они останутся у тебя. Возьми. А сейчас, после того как я отведу Кориску к Каридоро, мы снова свидимся с тобой. А вы, любезные зрители, расходитесь по домам, ибо та девушка, которую я должен проводить, не желает, чтобы ее видели. Да к тому же Лукрано собирается улепетить, и будет не совсем удобно, коли окажется столько свидетелей. А теперь прощайте, и да послужат нам наградой ваши благосклонные хлопки!

Занавес